

АНАТОМИЯ ★ АРМИИ

**СЕРГЕЙ
ВОЙТИКОВ**



**ВЫСШИЕ
КАДРЫ
КРАСНОЙ
АРМИИ**

1917–1921 гг.

Анатомия армии

Сергей Войтиков

**Высшие кадры Красной
Армии. 1917–1921 гг.**

«Алисторус»

2010

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

Войтиков С. С.

Высшие кадры Красной Армии. 1917–1921 гг. / С. С. Войтиков —
«Алисторус», 2010 — (Анатомия армии)

ISBN 978-5-699-45444-0

Что из себя представлял «триумвират наркомов», якобы выбранных II Всероссийским съездом Советов? Как велась тайная война с Германией после подписания Брестского мира? Действительно ли левые эсеры были полусумасшедшими «революционными романтиками», стоявшими на позициях «священной войны» без регулярной армии? Как Красная Армия стала мощнейшим политическим институтом? Каков коллективный портрет «кадров Троцкого»? Как военная контрразведка стояла на страже Красной Армии? Что представляла собой оборотная сторона советского военного строительства?.. На эти и многие другие острые вопросы отвечает в своей книге историк Сергей Войтиков. Автор анализирует период Гражданской войны, когда руководство Красной Армии проходило путь становления – от создания Комитета по делам военным и морским и до масштабной реорганизации центрального аппарата управления РККА, начавшейся в феврале 1921 года. Основана книга на многих неизвестных документах, в большинстве ранее не привлекавшиеся к исследованию, впервые выявленные более чем в 40 фондах четырех архивов: трех федеральных и одного регионального. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-699-45444-0

© Войтиков С. С., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Введение	7
Пролог	16
Раздел I	22
Глава 1	22
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Войтиков

Высшие кадры Красной Армии

1917–1921 гг

© Войтиков С.С., 2010

© ООО «Алгоритм-Книга», 2010

© ООО «Издательство Эксмо», 2010

* * *

Введение

Всем известна фраза «кадры решают все». Приход ее автора к власти представляется многим историей гениального бюрократа, который победил в 1923–1926 годах своих оппонентов, опираясь на расстановленные им партийные кадры. Учитель Иосифа Сталина – основатель и признанный лидер большевистской партии Владимир Ленин – в своем политическом завещании пророчил: «Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Однако мало кто обращает внимание на то, что в «чрезмерном увлечении чисто административной стороной дела» Ленин обвинял совсем другого лидера партии – Льва Троцкого¹. И это не случайно: его военно-организационная деятельность до сих пор изучена крайне недостаточно.

Сам Троцкий со свойственным ему отсутствием скромности писал впоследствии в своих воспоминаниях, что в годы Гражданской войны в его руках сосредоточилась практически «беспредельная» власть. Насколько объективно было такое заявление? На этот вопрос можно ответить, лишь исследовав вопрос о высшем руководстве Красной Армии в 1917–1921 годах.

Литература по теме исследования условно делится на четыре группы трудов: о Льве Троцком как главе военного ведомства; о высших военных коллегиях Советской России; о военных специалистах на службе революции; об аппарате управления РККА в годы Гражданской войны.

О личности Троцкого писали Д.А. Волкогонов, В.Г. Краснов и В.О. Дайнес, Ю.Я. Киршин. Д.А. Волкогонов в книге «Троцкий: Политический портрет»², на основе опубликованных и архивных материалов, выявленных по его заданию в Центральном государственном архиве Советской Армии и затем незаконно увезенных в США, выстраивает образ Троцкого-политика. Вся деятельность председателя Реввоенсовета Республики (РВСР) трактуется с позиций политической истории. Военно-организационному аспекту уделяется недостаточное внимание.

В.Г. Краснов и В.О. Дайнес в книге «Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления»³ рассматривают военную и частично политическую деятельность Л.Л. Троцкого, сразу делая оговорку: «военная деятельность Троцкого охватывает широкий спектр проблем, касающийся различных сторон строительства Красной Армии и Флота и руководства вооруженной борьбой». В книге «предпринята попытка на основе как ранее опубликованной литературы, так и архивных материалов, малоизвестных и не вводившихся до этого в научный оборот, показать военную деятельность Троцкого в годы Гражданской войны и в мирное время». Хронологические рамки книги – март 1918 – январь 1925 года. В этот период Троцкий возглавлял РВСР (с 1923 г. – РВС СССР) и Наркомвоенмор. Для более полного освещения личности Троцкого в поле зрения авторов попадают жизнь и деятельность предреввоенсовета на данном посту и – в основном – после его оставления. Особое внимание авторы уделяют событиям, в которых Троцкий принимал непосредственное участие. В.Г. Краснов и В.О. Дайнес привлекли действительно огромное количество документов и литературы. Но, к сожалению, в книге полностью отсутствуют ссылки на издания. Документальную базу, безусловно, составляли фонды Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного военного архива (РГВА) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), исследователи ссылаются на сборник «Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1: 1918–1919 гг.». Также регулярно исследователи делают *лири-*

¹ Ленин В.И. Избр. произв. в 4 т. Т. 4. 2-е изд. М., 1988. С. 440.

² Волкогонов Д.А. Троцкий: Политический портрет: в 2-х кн. М., 1997.

³ Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. М., 2000.

ческие отступления о литературе⁴. Об использованных в работе книгах почти ничего не сказано⁵. Книга представляет собой фактически аннотированную публикацию документов. Форма изложения в комментариях суха и лаконична, но произведение, что свойственно научно-популярной литературе, грешит существенным пафосом в выводах и изначальной заданностью в трактовке исторического деятеля⁶.

Определенным ответом на книгу Д.А. Волкогонова стала монография Ю.Я. Киршина о теоретических представлениях Льва Троцкого. Исследователь, признавая заслуги Д.А. Волкогонова в освещении личности Троцкого, обвиняет его в том, что «в двух книгах Волкогонова нет ни одной строки о Троцком как о военном теоретике»⁷. Целью работы, соответственно, становится исправление допущенной несправедливости. Однако, «восстанавливая справедливость», Ю.Я. Киршин, на наш взгляд, в свою очередь недостаточное внимание уделяет вопросам соотношения теоретических и практических аспектов деятельности Троцкого. Теоретические воззрения Троцкого рассмотрены К.Я. Киршиным максимально полно, однако в рамках основных аспектов деятельности Троцкого поданный исследователем материал выстроен не по хронологии.

Иными словами, в исследовании недостаточное внимание уделяется эволюции взглядов Троцкого. К тому же постоянные повторы о политическом значении военного ведомства не помешали Ю.Я. Киршину упустить из виду тот факт, что теоретические построения большевиков, как и их лозунги, были направлены на завоевание социальной опоры, а потому шли врознь с реальными действиями и были крайне противоречивы. Политикам вообще и Троцкому в частности свойствен макиавеллизм в политике, и потому исследователю, на наш взгляд, не везде удалось отличить реальные теоретические построения Троцкого от его политической демагогии. Очевидно, Ю.Я. Киршин пал жертвой предмета своего исследования и выбранной в соответствии с ним источниковой базы. В подавляющем большинстве источниками исследования было творческое наследие самого Льва Троцкого (хотя привлекались отдельные документы из фондов РГАСПИ, РГВА и ГАРФа).

Поскольку деятельность Троцкого на посту председателя РВСР не является предметом исследования Ю.Я. Киршина, она лишь частично анализируется в главах «Троцкий – идеолог и создатель Красной Армии» и «Троцкий и Гражданская война». К тому же в монографии Ю.Я. Киршина четко прослеживаются два изначальн заданных момента. Исследователь стремится, во-первых, доказать подготовленность Троцкого к военной работе (несмотря на признание самого Троцкого в обратном); во-вторых, умалить организационный и стратегический талант Сталина, основываясь на крайне субъективном мнении Троцкого⁸. Причем, желая доказать в первой главе своего исследования подготовленность Троцкого к военной работе, Ю.Я. Киршин обвиняет Троцкого... в избытке скромности, которым председатель РВСР никогда не страдал. Впрочем, Ю.Я. Киршин убедительно доказывает наличие существенных теоретических познаний в военной области на момент назначения наркомвоенном и председателем Высшего военного совета.

О высших военных коллегиях Советской России писали М.М. Славин, Г.И. Герасимов, Н.В. Романова. М.М. Славин, исследовал «правовую природу» РВС (РВС Республики, РВС

⁴ Там же. С. 5, 6, 422, 433, 457 и др.

⁵ В частности, повествуя о направлениях деятельности РВСР, исследователи не дают ссылку ни на предисловие к сборнику протоколов Реввоенсовета, ни на последнюю монографию М.А. Молодцыгина, хотя активно используют и то и другое (см.: там же. С. 78 и др.).

⁶ Уже на обложку книги вынесен следующий ее фрагмент: «Троцкого можно сравнить с неким пришельцем с планеты «Мировая советская федерация». И если допустимо такое сравнение, он, как варяг на Древней Руси, был призван на военный трон, чтобы обеспечить победу над внутренними и внешними врагами».

⁷ Киршин Ю.Я. Лев Троцкий – военный теоретик. М., 2003. С. 11.

⁸ Киршин Ю.Я. Лев Троцкий – военный теоретик. М., 2003. С. 238 и др.

фронтов и армий): их компетенцию, функции, роль в строительстве местного военного аппарата и становлении советской военной юстиции, а также отчасти их структуру. Диссертация охватывает 1918–1919 годы. Так как особо важными в эти годы были Восточный и Южный фронты, за основу М.М. Славин взял РВС именно этих фронтов, а также их армий. В исследовании предпринималась попытка определить место РВС фронтов и армий, а также РВСР в системе органов государственной власти; осветить вопросы деятельности РВС по организации советской власти в прифронтовых районах и на освобожденной от врага территории, по руководству ревкомками, по организации советской военной юстиции и руководству ею и т. д. Следует заметить, что М.М. Славин проанализировал РВС как юрист, а не как историк – его вклад, по сути, ограничен анализом организационной (но не кадровой) преемственности между РВС Восточного фронта и РВС Республики⁹.

Г.И. Герасимов просчитал с помощью специальной компьютерной программы протоколы и приказы высших военных коллегий (РВСР – РВС СССР, Военного совета при наркомате обороны и Главного военного совета Красной Армии) за 1921–1941 годы и установил: количество вопросов материально-технического обеспечения армии, рассмотренных указанными органами; количество соответствующих докладов, сделанных членами этих коллегий, а также число принявших участие в прениях по докладкам. Г.И. Герасимов также подсчитал общее количество присутствовавших на заседаниях высших военных коллегиальных органов, решавших вопросы материально-технического обеспечения РККА, с решающим голосом¹⁰.

Н.В. Романова осветила отдельные направления практической деятельности РВС Республики в 1918–1923 годах, но сделала это в настолько широком контексте создания Красной Армии и ее демобилизации, что невольно возникает вопрос о степени научной новизны большей части ее кандидатской диссертации. Выводы соответствуют задачам: 1) *«РКП(б)... ставила перед собой задачу создания боеспособной классовой армии, при этом РВСР (СССР), образованный по ходу Гражданской войны как орган высшего военного управления, в первую очередь был призван неукоснительно проводить в жизнь политику правящей партии в области военного строительства»*. И это при том, что РВСР был создан вопреки воле основателя и лидера ВКП(б)! 2) *«Концептуальные решения органов высшего партийного и военного управления в сфере военного строительства в конце 1918-го — 1923 году... выдерживались в жесткой системе координат классового подхода к оценке событий и явлений, а общечеловеческие ценности девальвировались»*¹¹. Не вполне понятно, где в прагматичных постановлениях РВСР исследователь обнаружила «классовый подход» и какой вообще учет «общечеловеческих ценностей» она искала в условиях Гражданской войны. Тем более – как их можно было найти в документах высшей военной коллегии?

⁹ Славин М.М. Революционные военные советы в годы Гражданской войны. М., 1972; Он же. Реввоенсоветы в 1918–1919 гг. М., 1974; Он же. Реввоенсоветы в годы Гражданской войны // Советское государство и право. 1972. № 2. С. 71–74; Он же. Создание Реввоенсоветов в годы Гражданской войны // Проблемы государства и права на современном этапе. Вып. 1. М., 1970. С. 215–232.

¹⁰ Герасимов Г.И. Высшие военные коллегиальные органы и создание технической базы Красной Армии (1921–1941) // Клио. 1999. № 1 (3). С. 213–223.

¹¹ Один фрагмент автореферата достоин полноценного цитирования: «Обобщенный в диссертации исторический опыт по проблеме деятельности РВСР (СССР) по организационному укреплению РККА в 1918–1923 гг. позволяет извлечь ряд уроков: *Первый урок*. Организационное укрепление Вооруженных сил должно стать одной из главных задач государства, поскольку именно армия является залогом существования государства, особенно в условиях ведения военных действий и смены цивилизационных ориентиров, что отражено в Военной доктрине РФ. *Второй урок*. Решение всего комплекса проблем, связанных с Вооруженными силами, не может происходить вне рамок общечеловеческих ценностей, проявляющихся на практике в тесном диалектическом единстве с общенациональными интересами, ядром которых является безопасность Отечества. Применительно к сегодняшнему дню это подразумевает наличие четкой научно обоснованной военной доктрины, которой неукоснительно должно руководствоваться государство при проведении как внешней, так и внутренней политики» (Романова Н.В. Деятельность Реввоенсовета Республики (СССР) по организационному укреплению Красной Армии в 1918–1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007). Конечно, стоило писать диссертацию для того, чтобы извлечь столь ценные «уроки»!

Как видим, РВСР рассмотрен преимущественно с точки зрения практической деятельности этого органа, а потому его история раскрыта односторонне. Создается и такое впечатление, будто исследователи забыли, что «История – это наука о людях во времени»: ни в одной из этих работ не видно ни членов РВСР, ни политической интриги, связанной с историей учреждения и эволюции этой высшей военно-политической коллегии.

Об общем привлечении военных спецов на службу в РККА писали С.А. Федюкин, А.Г. Кавтарадзе, С.В. Волков, Я.Ю. Тинченко. С.А. Федюкин на волне хрущевской «оттепели» поставил вопрос об использовании военных специалистов в Красной Армии¹². А.Г. Кавтарадзе выпустил монографию о привлечении бывших офицеров на службу в РККА¹³. К сожалению, цензура не позволила опубликовать труд А.Г. Кавтарадзе в полном объеме: в процессе «редактирования» текст был резко урезан и искажен. Так, лишь в поздних статьях А.Г. Кавтарадзе ввел незначительную часть специально выявленного им материала о выпускниках ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии¹⁴. С.В. Волков в своей крайне информативной монографии привел ряд статистических данных об офицерах в годы Гражданской войны – в частности, служивших в Красной Армии¹⁵. Я.Ю. Тинченко, в рамках исследования чекистского дела «Весна» 1929–1931 годов, взглянул на «Гражданскую войну глазами военспецов». Впервые, на основании уникального комплекса документов, отложившихся в Государственном архиве Службы безопасности Украины, он воссоздал атмосферу службы бывших офицеров в Красной Армии¹⁶. Все работы этой группы не ставили своей целью специальное рассмотрение специфики подбора и расстановки кадров в верхушке ведомства Троцкого, воссоздание коллективного портрета служащих центрального аппарата управления РККА.

Об аппарате управления РККА писали прежде всего С.М. Кляцкин, Я.Г. Зимин, М.А. Молодцыгин и А.В. Крушельницкий.

В монографии С.М. Кляцкина кратко рассмотрены история создания и деятельности высшего военного коллегиального органа – Высшего военного совета; основные направления военного строительства в годы Гражданской войны, дана краткая информация о РВСР и системе подчиненных ему центральных органов военного руководства. При этом предметом исследования С.М. Кляцкина стало военное строительство вообще, информация о центральном военном аппарате для С.М. Кляцкина – средство, а не цель. Исследователь не ставил своей задачей анализ организации и деятельности центрального и местного военного аппарата¹⁷.

Я.Г. Зимин стал автором первого исследования по истории строительства высших и центральных органов советского военного руководства. К сожалению, идеологические установки не позволили Зимину осветить целый ряд сюжетов, связанных с конфликтами в руководстве Наркомвоена, роли левых эсеров в советском военном строительстве, созданием РВСР и др.¹⁸. Однако Я.Г. Зимин заложил прочный фундамент для последующих исследований. В статье «120 дней Наркомвоена» М.А. Молодцыгин впервые проанализировал организацию руководства военным ведомством в период с 3 марта (времени создания Высшего военного совета) по июль 1918 года (V Всероссийский съезд Советов) и смену руководства военного ведомства в марте 1918 года; основные составляющие «нового курса» и первые шаги по его претворению

¹² Федюкин С.А. Об использовании военных специалистов в Красной Армии // Военно-исторический журнал (ВИЖ). 1962. № 6.

¹³ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. М., 1988.

¹⁴ Он же. «Советское рабоче-крестьянское правительство... признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // ВИЖ. 2002. № 10. С. 32–40; Он же. Николаевская военная академия при Временном правительстве // ВИЖ. 2002. № 9. С. 40–43.

¹⁵ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999.

¹⁶ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. М., 2000.

¹⁷ Кляцкин С.М. На защите Октября. М., 1965.

¹⁸ Зимин Я.Г. Создание и развитие органов военного руководства Советского государства в годы гражданской войны: дис. ... канд. ист. наук. (1917–1920 гг.). М., 1970. С. 17.

в жизнь. В 1997 году вышла фундаментальная монография М.А. Молодцыгина, по сути подведшая итог плодотворнейшей работы исследователя. Исследователь проанализировал первые шаги Наркомвоена по формированию РККА; курс на воссоздание боеспособной армии; вопросы формирования руководящей коллегии военного ведомства; впервые четко определил функции и место Высшего военного совета и РВС Республики¹⁹. Однако, к сожалению, как исследователь М.А. Молодцыгин основное внимание уделял проблемам взаимоотношений рабочих и крестьян в годы Гражданской войны: именно над этим вопросом он работал в совете академика И.И. Минца²⁰.

В кандидатской диссертации А.В. Крушельницкого рассмотрен процесс создания и начальный этап становления советского центрального военного аппарата (октябрь 1917—март 1918 г.). А.В. Крушельницкий впервые исследовал процесс овладения большевиками центральными органами Военного министерства в октябре–ноябре 1917 года; уточнил первоначальный состав коллегии Наркомвоен; рассмотрел конкретные основные направления сворачивания структур старого Военного министерства и начальный этап становления новых – «советских». В статьях А.В. Крушельницкого проанализирован персональный состав коллегии Наркомвоена; уточнены представления о ликвидации контрреволюционного саботажа в Военном министерстве, имевшего место после Октябрьской революции. В соавторстве с М.А. Молодцыгиным по протоколам заседания коллегии проанализированы первые шаги советских военных руководителей по реорганизации доставшегося им центрального военного аппарата²¹. Исследование не лишено отдельных недостатков, бывших следствием идеологических установок в 1980-х годах. Так, например, в его работе было выделено то, что объединяло членов первоначальной коллегии Наркомвоена, но умалчивалось о том, что их разделяло. Предпринятые после выхода монографии М.А. Молодцыгина, после достаточно длительного перерыва в начале 2000-х годов, единичные обращения к истории советского военного строительства в годы Гражданской войны невозможно расценивать иначе как неудачные. Авторы демонстрировали не только пренебрежение к трудам предшественников, но даже непонимание различий между органами высшего военного руководства и центральными органами военного управления. При всем этом отмечались крайне произвольное манипулирование опубликованными и архивными материалами, узость источниковой базы. Без преувеличения можно констатировать, что эти работы лишь дискредитируют отечественную историографическую традицию, не внося ничего положительного нового в воссоздание исследований истории советского военного строительства²².

¹⁹ *Молодцыгин М.А.* 120 дней Наркомвоена // ВИЖ. 1989. № 8. С. 47–62; № 10. С. 36–55; Он же. В.И. Ленин и строительство военного аппарата в первый год Советской власти // ВИЖ. 1978. № 4. С. 80–84; Он же. Из истории слома старых органов местного военного управления // Революционное движение в русской армии в 1917 г.: Сб. ст. М., 1981. С. 257–266; Он же. Из истории создания декрета СНК об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986. С. 349–357. М., 1997.

²⁰ См.: Он же. Рабоче-крестьянский союз. М., 1989.

²¹ *Крушельницкий А.В.* Народный комиссариат по военным делам в первые месяцы диктатуры пролетариата (конец октября 1917 г. – март 1918 г.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; *Крушельницкий А.В., Молодцыгин М.А.* Наркомвоен в первые месяцы Советской власти: По протоколам заседания коллегии // Советские архивы. 1985. № 6. С. 34–38; *Крушельницкий А.В.* Ликвидация контрреволюционного саботажа в Военном министерстве в первые месяцы Советской власти // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986. С. 162–171.

²² *Стрекалов И.И.* Строительство Красной Армии в войсках Завесы (Март–октябрь 1918 года): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 237 с.; *Фоменко М.В.* Центральные органы управления Вооруженными Силами Советского государства в октябре 1917 – августе 1923 гг.: Дис. канд. ист. наук. М., 2008. При этом диссертация И.И. Стрекалова почти дословно повторяет работу Н.Д. Егорова (Егоров Н.Д. Создание и деятельность войск Завесы обороны в 1918 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.); в диссертации М.В. Фоменко безосновательно проигнорирована историография вопроса (диссертационные исследования Я.Г. Зимина и А.В. Крушельницкого) и заужена до недопустимого минимума архивная группа источников. Ряд статей выпустил и известный специалист по истории Оренбургского казачества А.В. Ганин, механически надергав цитат из документов, а также позаимствовав факты из других работ – А.А. Здановича, В.Г. Кикнадзе, С.С. Войтикова, в отдельных случаях их искажив, незаслуженно раскритиковав, а в ряде случаев и попросту их проигнорировав. (Подр. творения А.В. Ганина с их «критическим анализом» источников проанализированы в работе: *Войтиков С.С.* Дело Г.И. Теодори в историографии // Военно-

В данной книге раскрываются следующие *сюжеты*: что из себя представлял «триумvirат наркомов», якобы выбранных II Всероссийским съездом Советов; как велась тайная война с Германией после подписания Брестского мира; действительно ли левые эсеры были полусумасшедшими «революционными романтиками», стоявшими на позициях «священной войны» без регулярной армии; как Красная Армия стала мощнейшим политическим институтом; каков коллективный портрет «кадров Троцкого»; как военная контрразведка стояла на страже Красной Армии; что представляла собой оборотная сторона советского военного строительства.

Хронологические рамки книги определяются периодом от создания Комитета по делам военным и морским и до масштабной реорганизации центрального аппарата управления РККА, начавшейся в феврале 1921 года

Основу источниковой базы данной книги составили неопубликованные документы, в большинстве ранее не привлекавшиеся к исследованию, впервые выявленные более чем в 40 фондах четырех архивов: трех федеральных и одного регионального. Кроме того, привлечен существующий корпус опубликованных источников. В целом источники по теме исследования зримо разделяются на три группы.

Первую группу из них составляют источники, традиционно используемые при исследовании начального периода истории советского государственного и, в частности, военного строительства. Это, прежде всего:

1) законодательные акты первых лет Советской власти – законодательные²³, а также и ведомственные нормативные акты советского военного ведомства²⁴;

2) документальные публикации 1960 – 1980-е гг.²⁵;

3) документы большевистских руководителей советского государства – В.И. Ленина²⁶, Я.М. Свердлова²⁷, Л.Д. Троцкого²⁸, Г.Е. Зиновьева²⁹, а также несправедливо забытое издание «Биографической хроники» Ленина, вышедшее на излете Советской власти и практически не введенное в научный оборот;

4) материалы ведомственных печатных органов Наркомвоена и Московского окружного военкомата, центральных печатных изданий³⁰. Материалы левоэсеровской газеты «Знамя труда» впервые привлечена для анализа вклада в советское военное строительство левых эсеров;

5) воспоминания руководителей Наркомвоена и его структурных подразделений – В.А. Антонова-Овсеенко, С.И. Аралова, М.Д. Бонч-Бруевича, И.И. Вацетиса, С.И. Гусева, К.Х.

исторический архив (ВИА). 2010, № 12).

²³ Декреты Советской власти. Т. 1–3; СУ РСФСР. 1917–1918. М., 1919.

²⁴ РГВА. Сборник приказов Наркомвоена за 1918 г.; Там же. Сборники приказов РВСР за 1918–1921 гг.

²⁵ Пятый созыв ВЦИК Советов Р., К., К. и К. депутатов. М., 1919; Организация Красной Армии. 1917–1918 гг.: Сб. документов и материалов. – М., 1943; Директивы Главного командования Красной Армии: 1917–1920 / отв. сост.: Т.Ф. Каряева. М., 1969; Директивы командования фронтов Красной армии. / отв. сост.: Т.Ф. Каряева. В 4-х т. М., 1971–1978; Октябрьская революция и армия. 25 октября – март 1918 г.: Сб. документов. М., 1973; Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики И.И. Вацетис (Вацетис): Сб. документов. Рига, 1978; В.И. Ленин и ВЧК: Сб. док. (1917–1922 гг.). М., 1987; Красная книга ВЧК. Т. 1–2. М., 1989; На службе в Красной Армии: Документы и материалы о деятельности П.П. Лебедева / сост.: В.И. Авдеев и др. Чебоксары, 1991.

²⁶ Ленин В.И. Пол. собр. соч.

²⁷ Свердлов Я.М. Избр. произведения. В 3 т. М., 1959.

²⁸ Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. Т. 1. М., 1923.

²⁹ Об итогах VIII съезда РКП(б): Стенографическая запись доклада Г.Е. Зиновьева // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 185–198.

³⁰ Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот; с 1 апреля 1918 г. – Известия Народного комиссариата по военным делам; Известия Московского окружного комиссариата по военным делам; Известия ЦИК Советов и Московского совета; Правда.

Данишевского, К.С. Еремеева, М.П. Ефремова, А.Ф. Ильина-Женевского, Л.М. Кагановича, М.С. Кедрова, Н.В. Крыленко, К.А. Мехоношина, Н.И. Подвойского, Н.М. Потапова и др.³¹

Вплоть до совсем недавнего времени сказывалось в полной мере констатированное еще в 1970 году Я.Г. Зиминым «отсутствие документальных публикаций и неразработанность архивных фондов» как «объективная причина, сдерживавшая (с 1950-х гг.!) изучение истории строительства верховного командования в Гражданской войне»³². Ситуация, как известно, начала меняться только в 1990-х годах с рассекречиванием нового массива документов в постсоветских условиях.

Вторую группу источников составили фундаментальные документальные публикации середины 1990—2000-х годов, принципиально расширившие и обновившие источниковую базу исследований начального периода истории советского государственного и военного строительства³³. В них, в частности, впервые раскрыты те аспекты взаимо- и противодействий большевиков – руководителей советского военного ведомства, Совнаркома и ВЦИК, которые насуточно необходимы для выработки достоверных представлений о высших кадрах Красной Армии, процессах становления и организационной трансформации аппарата военного управления РСФСР. Наиболее значимы с этой точки зрения протоколы заседаний СНК первых месяцев Советской власти и сборник документов РВСР в 1918–1919 годах.

Эти документы, фактически впервые ставшие доступными для исследования, серьезнейшим образом корректируют известную картину строительства механизма советского военного руководства, основывавшуюся ранее практически исключительно на официальных директивных документах и отчасти на весьма несовершенных воспоминаниях отдельных участников, в том числе – предельно политизированных и изощренно тенденциозных «воспоминаниях» Троцкого. Сборник документов РВС Республики позволяет изучить вклад конкретных высших военных руководителей в принятие важнейших решений по военному ведомству, основные направления деятельности РВСР.

³¹ Антонов-Овсеев В.А. Записки о Гражданской войне. Т. 1–4. М.; Л., 1924–1933; Он же. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923; Аралов С.И. Ленин вел нас к победе. 2-е изд. М., 1962; Бонч-Бруевич М.Д. Знакомство с Лениным // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М., 1969. С. 186–191; Он же. Вся власть Советам. М., 1964; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983; Вацетис И.И. Моя жизнь и мои воспоминания. Даугава, 1979; Герца А.В. Стихия Гражданской войны // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999; Гусев С.И. Гражданская война и Красная армия. М.; Л., 1925; Данишевский К.Х., Каменев С.С. Воспоминания о Ленине: Ленин и Гражданская война. Сб. 1. М., 1934; Еремеев К.С. Встречи с Лениным // Об Ильиче: Воспоминания питерцев. Л., С. 86–87; Ефремов М.П. Памятные встречи с В.И. Лениным // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М., 1969. С. 36–39; Ильин-Женевский А.Ф. Большевики у власти: (1918 г.). Л., 1928; Он же. Брестский мир и партия // Красная летопись. 1928. № 1/25; Он же. Июль 1917 года. Л., 1927; Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного партийного и советского государственного работника. М., 1997; Каменев С.С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве: Избр. ст. М., 1963; Кедров М.С. Из красной тетради об Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956. Т. 1. С. 475–485; Т. 2. С. 94–110; Крыленко Н.В. Смерть старой армии / публ. В.Д. Поликарпова // История и историки: Историограф. ежегодник. 1978. М., 1981. С. 280–317; Мехоношин К.А. От захвата власти к овладению аппаратом: Воспоминания о первом периоде Наркомвоенно // Война и революция. 1928. № 2. С. 32–36; Наш товарищ Андрей: Воспоминания уральцев о Я.М. Свердловце / сост.: В.В. Баженов. Свердловск, 1985; Подвойский Н.И. В Октябрьские дни // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956. Т. 1. С. 636–638; Он же. В.И. Ленин и организация Красной Армии // Военная мысль. 1957. № 9. С. 3–10; Он же. Строительство Красной Армии // ВИЖ. 1968. № 12. С. 68–85; Потапов Н.М. Начало // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М., 1969. С. 41–41; Тер-Авугионянц М.К. В.И. Ленин – военный руководитель в период становления Советской власти // Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 3. М., 1969. С. 26–35; Троцкий Л.Д. Моя жизнь / вступ. ст. И. Розенталя. М.: Вагриус, 2001; Этапы большого пути / ред. – сост. В.Д. Поликарпов. М., 1963.

³² Зимин Я.Г. Создание и развитие органов военного руководства Советского государства в годы Гражданской войны. М., 1970. С. 16.

³³ Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996; Левые эсеры и ВЧК: Сб. док. Казань, 1996; Реввоенсовет Республики. Протоколы. Т. 1. 1918–1919. М., 1997; Т. 2. М., 2000; Меньшевики в большевистской России, 1918–1924. Т. 1. Меньшевики в 1918 г. / отв. ред. З. Галили, А.П. Ненароков. М., 1999; Партия левых социалистов-революционеров: Сб. документов / авт. – сост. Я.В. Леонтьев. Т. 1. М., 2000 (далее – Сб. ПЛСР); Союз эсеров-максималистов: Документальная публицистика, 1906–1924 гг. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2002; Военная промышленность в России в начале XX в. (1900–1917): Сб. документов. Т. 1. М., 2004; Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК – ОГПУ: 1917–1926. Документы. М., 2007; Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Т. 2. М., 2007.

Третью группу источников, ставшую и по своему объему, и во многом по своей информативности, основной для данного исследования, составил комплекс документов, выявленных в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Центральном архиве общественно-политической истории Москвы (ЦАО-ПИМ). Подавляющее большинство архивных документов вводится в научный оборот впервые.

В *РГАСПИ* изучены документы следующих фондов: личный фонд В.И. Ленина (Ф. 2); секретариат В.И. Ленина (Ф. 5); Центральный комитет РКП(б) (Ф. 17); Совет народных комиссаров и Совет труда и обороны (Ф. 19. Оп. 1 и 3); коллекция документов об оппозиции в ВКП(б) (Ф. 71); личный фонд Ф.Э. Дзержинского (Ф. 76); личный фонд Я.М. Свердлова (Ф. 86); Всесоюзное общество старых большевиков (Ф. 124); личный фонд К.С. Еремеева (Ф. 131); личный фонд Н.И. Подвойского (Ф. 146); личный фонд Л.Б. Каменева (Ф. 323); личный фонд Л.Д. Троцкого (Ф. 325); Центральный комитет Партии левых социалистов-революционеров (Ф. 564); личный фонд А.И. Рыкова (Ф. 669).

В *ГА РФ* – Совет народных комиссаров (Ф. 130); ВЦИК Советов (Ф. 1235).

В *РГВА* – Управление делами Народного комиссариата по военным делам (Ф. 1); Высший военный совет (Ф. 3); Управление делами при Наркоме обороны СССР (быв. Управление делами РВСР, Наркомата по военным и морским делам и РВС СССР) (Ф. 4); секретариат Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики (Ф. 5); Полевой штаб РВСР (Ф. 6); Штаб РККА (Ф. 7); Всероссийское бюро военных комиссаров (Ф. 8); Высшая военная инспекция (Ф. 10); Всероссийский главный штаб (Ф. 11); Главное артиллерийское управление (Ф. 20); Центральное военно-техническое управление (Ф. 22); Всероссийский совет воздушного флота (Ф. 28); Главное управление военно-воздушного флота (Ф. 29); Управление военных сообщений РВСР (Ф. 30); Управление военных сообщений Штаба РККА (бывш. Центральное управление военных сообщений) (Ф. 33); Главное военно-ветеринарное управление (Ф. 37); Военно-законодательный совет (Ф. 44); Центральное управление по снабжению армии (Ф. 46); Главное военно-хозяйственное управление (Ф. 47); Центральная комиссия по продовольственному снабжению (Ф. 50); Главный комиссариат военно-учебных заведений (Ф. 62); Демобилизационный комиссариат (Ф. 79); Главное военно-квартирное управление (Ф. 152); Редакция сборника «Красная Армия и Флот» (Ф. 612); Московский военный округ (Ф. 25883); Ленинградский военный округ (Ф. 25888); личный фонд Н.И. Подвойского (Ф. 33221); секретариат председателя РВСР – РВС СССР (Ф. 33987); секретариат первого заместителя председателя РВСР – РВС СССР (Ф. 33988); личный фонд К.А. Мехоношина (Ф. 37618); личный фонд И.И. Вацетиса (Ф. 39348); Научный военно-исторический отдел Генерального штаба РККА (Ф. 39352); коллекция послужных списков и личных дел на командный, начальствующий и политический состав РККА (Ф. 37976).

В *ЦАОПИМ* – Московский комитет РКП(б) (Ф. 3).

Отдельные положения книги публиковались на страницах журналов и сборников статей: «С чего началась история Красной Армии» (Отечественная история, 2006. № 6. С. 126–133); «Развитие взглядов высшего руководства Советской России на военное строительство в ноябре 1917 – марте 1918 г.» (Вопросы истории, 2007. № 10. С. 3–12); «Высшее военное руководство Советской России на пути к созданию Реввоенсовета Республики» (Военно-исторический журнал, 2008. № 9); «Становление центрального аппарата советского военного ведомства (март-август 1918 г.)» (Новый исторический вестник, 2007. № 2. С. 192–199); «Во главе советского военного ведомства» (Военно-исторический архив, 2008. № 11. С. 32–44; № 12. С. 156–168); «Всероссийская коллегия по организации и формированию РККА (1917–1918 гг.)» (Государственные учреждения России XX–XXI вв. М., 2008. С. 153–157); «Документы Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко о несогласии с военной политикой В.И. Ленина» (Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология

истории в системе гуманитарного знания. Ч. 1. М., 2008. С. 235–238); «Троцкий и его кадры, или «коней на переправе не меняют»?» (Гражданская война и военная интервенция в России 1917–1922 гг.: Взгляд сквозь десятилетия. Самара, 2009. С. 318–335); «Коррупция в «военной контрразведке», или «центр тяжести работы перенести в экономическую область»» (Вопросы истории, 2010. № 8, в соавторстве с П.В. Батулиным).

Автор выражает благодарность за помощь в работе над книгой руководству и сотрудникам ГА РФ, Главархива Москвы, ГПИБ, РГАСПИ, РГБ, РГВА и ЦАОПИМ, и лично – доктору исторических наук Н.С. Тарховой, доктору исторических наук А.С. Сенину, доктору исторических наук В.А. Невежину, Н.А. Тесемниковой, кандидату исторических наук В.А. Арцыбашеву, А.В. Карандееву, кандидату исторических наук М.Ю. Морукову, Л.С. Наумовой, М.В. Страхову, И.Н. Селезневой.

Автор благодарит за помощь в подготовке издания доктора исторических наук Т.Г. Архипову и кандидата исторических наук А.В. Крушельницкого.

Пролог

«Безусый юноша с горящими революционным огнем и вдохновением глазами»: Первые шаги второго вождя революции

Лев Давидович Бронштейн (настоящая фамилия Троцкого) родился в 1879 году в еврейской крестьянской семье. В революционном движении с момента окончания реального училища в Николаеве в 1896 году. В это время Троцкий идейно примыкал к народолюбцам, позднее встал на марксистские позиции. Фактически единственным источником о жизни Троцкого в это время остается книга его воспоминаний 1929 года, представляющая собой, по сути, не биографию, а политический труд.

В «Моей жизни» Лев Троцкий назвал 1896 год переломным: он поставил «вопрос о... месте в человеческом обществе». В это время Лейба Бронштейн учился в 7-м классе и жил в семье, где были взрослые дети. Всегда склонный к заносчивости, он, по собственному признанию, на словах первоначально давал отпор «социалистическим утопиям», причем «тоном иронического превосходства». Однако через несколько месяцев наступил перелом, у Бронштейна появилась нелегальная литература, он завел знакомства в среде революционеров и стал свидетелем споров пока еще малочисленных марксистов с народниками. С помощью этнического чеха садовника Швиговского Троцкий добыл новые книги и начал «нервное чтение»: молодой «революционер» боялся, что жизни не хватит, чтобы все прочесть. Не дочитав «Логик» Дж. Стюарта Милля до середины, он переключился на «Первобытную культуру» Липперта; затем также – на «Историю французской революции» Минье. Чтение велось бессистемно. Рассорившись с семьей, Троцкий вместе со Швиговским организовали «коммуну» из 6 человек. Первая статья Бронштейна, написанная для народнического издания в Одессе, не была напечатана. По поздней оценке автора, «никто от этого не потерял, меньше всего я сам». Первый политический успех (организация на общем собрании членов общественной библиотеки протеста против повышения абонементной платы и переизбрания правления) сблизил Троцкого со старшим из братьев Соколовских – Григорием. Несмотря на провал идеи об организации университета «на началах взаимообучения», вина за который лежала, прежде всего, на Соколовском, они с Троцким временно вышли из коммуны и стали писать драму, проникнутую «общественными тенденциями на фоне борьбы поколений». Фабула была не без романтического элемента: «разбитый жизнью революционер старшего поколения влюбляется в марксистку, но она отчитывает его немилосердной речью о крушении народничества». Рукопись впоследствии была утрачена, Троцкий, по его заявлению в 1929 году, мирился с этим тем легче, что впоследствии у него пропадали «рукописи несравненно большего значения»³⁴.

В феврале 1897 года сожгла себя в Петропавловкой крепости курсистка Ветрова. Это событие вызвало мощный резонанс в революционной и студенческой среде. В Николаеве насчитывалось около 8 тыс. заводских и 2 тыс. ремесленных рабочих, причем в подавляющем большинстве своем грамотных. Соколовский познакомил Троцкого с «сектантом» (по специальности – пиротехником) Иваном Андреевичем Мухиным, вскоре ставшим «главной фигурой организации». Знакомясь с Мухиным и его друзьями, Бронштейн назвал себя Львовым. Эта первая конспиративная ложь вроде бы далась «нелегко»³⁵. По воспоминаниям Троцкого, «рабочие шли к нам самотеком, точно на заводах нас давно ждали. Каждый приводил приятеля,

³⁴ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 107–112.

³⁵ Там же. С. 114–116.

некоторые приходили с женами, несколько пожилых рабочих вошли в кружки с сыновьями. Не мы искали рабочих, а они нас. Молодые и неопытные руководители, мы скоро стали захлебываться в вызванном нами движении. Каждое слово встречало отклик. На подпольные чтения и беседы, по квартирам, в лесу, на реке собиралось 20–25 человек и более. Преобладали рабочие высокой квалификации, недурно зарабатывавшие. На николаевском судостроительном заводе уже тогда существовал 8-часовой рабочий день. Стачками эти рабочие не интересовались, они искали правды социальных отношений. Некоторые из них называли себя баптистами, штудистами, евангельскими христианами. Но это не было догматическое сектантство. Рабочие просто отходили от православия, баптизм становился для них коротким этапом на революционном пути. Впервые недели наших бесед некоторые из них еще употребляли сектантские обороты и прибегали к сравнениям с эпохой первых христиан. Но почти все скоро освободились от этой фразеологии, над которой бесцеремонно потешались более молодые рабочие»³⁶.

Как писал Макс Истман по воспоминаниям Троцкого, «Организация состояла из “кружков”, которые делились и размножались таким же образом, каким размножаются клеточки, составляющие ткани человеческой жизни. Ядром, или (как говорил устав) «организатором» первого кружка был Троцкий и Александра Львовна (Соколовская. – С.В.). И быстрота роста этого первого кружка была почти невероятна. Достигнув назначенного уставом предела в 25 человек, он разделился на 2 кружка; ядром одного остался Троцкий, а другого – Александра Львовна. Во вновь образовавшихся кружках каждый из них должен был привлечь к себе новое лицо, способное стать руководителем, так чтобы при новом разделении было бы готовое ядро для каждого из новых кружков. Таким путем в продолжение весны и лета было организовано 8 или 10 кружков в городе, насчитывающем около 10 000 рабочих; более 200 состояло действительными членами из организации, а остальные знали о ней, и большая часть читала их прокламации с сочувствием или возбужденным протестом. Эти прокламации были чрезвычайно убедительны и чрезвычайно просты... Было еще достаточно детского в Троцком, чтобы наивно обнаружить чувства, которые привели его к этой жизни, полной опасности и жертв»³⁷.

Для сравнения: Марк Истман так описывает возвращение Троцкого – «Это был долгий год – все заметили перемену, происшедшую в Троцком. Когда он вернулся в Одессу, чтобы согласовать работу в обоих городах, его одесские друзья не могли больше сомневаться в устойчивости его энтузиазма. Если раньше было немного петушиного задора в его радикализме, теперь он исчез... Он всегда был немного отчаянным, всегда несколько похожим на вулкан – т. е. он может быть улыбающимся, дисциплинированным, весьма рассудительным и покладистым, но если что-нибудь вызовет его негодование и он начнет плевать огнем, будет швырять огненные плевки без всякой скромности, не принимая во внимание размер ландшафта. Чувство правильности и неправильности у Троцкого так же нетерпимо, как у Христа, и оно не смягчается сильной любовью к врагам. Но для тех, с кем он работает и живет и для рабочих масс всего мира – он воля, хотя столь небрежная в своей силе, будет всегда дающей, а не захватывающей». Да здравствует вождь мировой революции товарищ Троцкий! В публикуемом документе, тем не менее, он предстает совсем иным человеком.

Одной из наиболее ярких фигур Лев Троцкий в своих мемуарах назвал 40-летнего «сектанта» Андрея Степановича Бабенко. Двадцатисемилетний Мухин сразу же после знакомства свел Троцкого «со своим приятелем, тоже из сектантов, Бабенко, у которого был свой небольшой домик и свои яблони на дворе. Бабенко был хром, медлителен, всегда трезв и научил меня пить чай с яблоками, вместо лимона. Вместе с другими Бабенко был арестован, изрядно посидел, потом опять вернулся в Николаев. Судьба нас развела совсем. Случайно прочитал я в какой-то газете в 1925 году, что на Кубани проживает бывший член Южнорусского рабочего

³⁶ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 116.

³⁷ Истман М. Юношеский портрет. Цит. по: РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 15. Л. 27.

союза Бабенко. К этому времени у него отнялись ноги. Мне удалось добиться – в 1925 году это было уже нелегко – перевода старика в Ессентуки для лечения. Ноги опять стали ходить. Я посетил Бабенко в его санатории. Он не знал, что Троцкий и Львов – одно и то же лицо. Мы опять с ним пили чай с яблоками и вспоминали прошлое. То-то, должно быть, он удивился, что Троцкий – контрреволюционер!» Здесь, вероятно, ошибка памяти: о судьбе А.С. Бабенко Троцкий не вычитал в газете, о положении «сподвижника» ему доложил коммунист М. Донецкий 18 апреля 1924 года. Не исключен и другой вариант: Троцкий сознательно перенес время получения известий о судьбе А.С. Бабенко и оказания ему помощи на год, подчеркнув тем самым свою готовность отстаивать своих людей даже в те моменты, когда самому приходилось туго...

О начале пути Демона революции:

Письмо

заместителя редактора ежедневной газеты «Красное знамя» – органа Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) и Кубано-Черноморского губернского исполкома – М. Донецкого председателю Революционного военного совета СССР Л.Д. Троцкому

Краснодар, Куб[ано]-Черн[оморская] обл.
18 апреля 1924 г.

Дорогой товарищ *Троцкий!*

Вчера случайно я узнал, что в Краснодаре живет один из ветеранов рабочего движения – Ваш сподвижник по «Южнорусскому рабочему союзу» – тов. *Бабенко*.

Командированный мною к нему сотрудник редакции передает свою беседу с тов. Бабенко (подчеркнуто Л.Д. Троцким) так:

Андрей Степанович Бабенко, ныне 68-летний старик, ютится в маленькой клетушке с семьей в 6 человек.

Меня встретила радушно и приветливо старушка – жена Бабенко.

– А где ваш старик?

Старуха показала на кровать, где лежал ее больной муж. Видимо, А.С. Бабенко очень болен: лицо исхудалое, голос слабый, глаза апатичные, усталые.

Но он как-то сразу весь ожил, заискрился каким-то светлым, молодым чувством, когда я объяснил ему цель посещения – поговорить с ним о его революционной работе и, главное – о тов. **ЛЬВОВЕ**, с которым он вместе сидел в тюрьме в г. Николаеве.

– У меня на квартире, – начал А.С. Бабенко, – работал нелегальный кружок, входящий в «Южнорусский рабочий союз». В кружке участвовало нас, рабочих, до 30 человек.

Мы все, нутром, чувствовали гнет капиталистического строя и видели несправедливости и обиды, причиняемые нам капиталистами, но совершенно не знали, где выход.

Тут на помощь явились молодые, образованные, знающие революционеры, как тов. Львов, Соколовский и др.

Представьте себе, я совершенно не знал, до самого последнего времени, что тот самый молодой, безусый юноша, с горящим революционным огнем и вдохновением глазами, который всегда так просто и душевно говорил с нами и которого мы знали под именем *Львова* – это Вождь нашей Красной Армии тов. Троцкий...

Только недавно я случайно узнал об этом из письма моего сына, работающего на одном из заводов в Одессе. Сын также случайно узнал об этом из статьи, посвященной умершему в Николаеве старому члену нашего союза И.А. Мухину, что Львов и Троцкий – одно и то же лицо («Изв[естия] Одесского губисполкома» от 19 февр[аля] [19]24 г. № 1263).

Да, хорошее то время было! В нашем кружке, собиравшемся на моей квартире большей частью по ночам, подобралась все серьезные, хорошие ребята из передовых рабочих, которые стремились все [о]сознать, до всего дойти своим умом, чтобы потом начать борьбу за торжество рабочего дела.

Было у нас 2 руководителя: один по экономическим вопросам, которого мы знали под именем ГИРА, а другой по общественно-политическим – тов. Львов. Последнего мы как-то сразу горячо полюбили...

– Удивительный человек был этот Львов, – говорит старик Бабенко. – Совсем юноша, без усов, ну совсем еще молодой, а обо всем уже понимал, во все вникал, прекрасно знал нашу жизнь, наш рабочий язык, на все давал ясные, толковые ответы.

Поражал нас своим образованием: мог разъяснить все по-научному, а не так чтобы зря болтать. Мы считали его за студента.

Держался тов. Львов очень просто, так что мы, рабочие, в то время очень темные и дичившиеся образованных людей, его как-то сразу перестали стесняться.

Бывало, обступим мы его кружком и про нашу жизнь все равно как на духу рассказываем. И когда заговорит, бывало, тов. Львов, как-то особенно верилось, что наше рабочее дело не погибнет, что наша рабочая правда победит. Как-то особенно радостно бывало...

Тов. Львов приходил к нам большей частью ночью и занимался по несколько часов. Наш кружок, как и остальные два, работал благополучно около года.

21 января 1898 года в 2 часа ночи я был арестован и препровожден в Николаевскую тюрьму³⁸. Я сидел с И.А. Мухиным, а напротив, в камере № 1 – тов. Львов вместе с Гиром³⁹. В тюрьме мы узнали, что были выданы провокатором Ананием Нестеренко⁴⁰.

³⁸ Массовые аресты произвели 28 января 1898 г., всего захватили свыше 200 чел.; «пошла расправа. Один из арестованных, солдат Соколов, был доведен запугиваниями до того, что бросился из тюремного коридора второго этажа вниз, но отделался тяжелыми ушибами. Другого из заключенных, Левандовского, жандармы довели до психического расстройства. Были и еще жертвы. Среди арестованных было много случайного народу... Николаевская организация получила жестокий удар, но не смертельный. Нас скоро заменили другие. И революционеры, и жандармы становились опытнее» (Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 121–122).

³⁹ По воспоминаниям Л.Д. Троцкого, в январе 1898 г. его арестовали «не в Николаеве, а в имении крупного помещика Соковника, куда Швиговский перешел на службу садовником... Старая николаевская тюрьма совсем не была приспособлена для политических, да еще в таком числе. Я попал в одну камеру с молодым переплетчиком Явичем. Камера была очень велика, человек на 30, без всякой мебели и еле отапливалась. В двери был большой квадратный вырез в коридор, открытый прямо на двор. Стояли январские морозы. На ночь нам клали на пол соломенный, а в 6 утра выносили его. Подниматься и одеваться было мукой. В пальто, в шапках и калошах мы садились с Явичем плечо к плечу на пол и, упершись спинами в чуть теплую печь, грезили и дремали час-два. Это было, пожалуй, самое счастливое время дня. На допрос нас не звали. Мы бегали из угла в угол, чтоб согреться, предавались воспоминаниям, догадкам и надеждам. Я стал заниматься с Явичем науками. Так прошло недели три». Потом Л.Д. Троцкого перевели в херсонскую тюрьму (Там же. С. 123).

⁴⁰ По воспоминаниям Л.Д. Троцкого, когда слежка за членами «Южно-русского рабочего союза» стала слишком явной, его организаторы решили на несколько недель разъехаться, чтобы «оборвать полицейскую нить». Перед отъездом Троцкого Нестеренко «потребовал, чтобы я ему непосредственно передал пачку прокламаций. Он назначил встречу за кладбищем поздно вечером... Ночь была лунная. За кладбищем открывалось совершенно пустынное пространство. Нестеренко я нашел в условленном месте». Но в момент передачи пакета с прокламациями «от кладбищенской стены отделилась фигура и прошла близко возле нас, задев Нестеренко локтем. «Кто это?» – спросил я с удивлением. «Не знаю» – ответил Нестеренко, глядя

Обращались с нами тюремщики очень грубо, и у многих из нас упало настроение. Но в это время мы сумели войти в связь с тов. Львовым посредством ручной азбуки, показываемой в волчок. Тов. Львов ободрил нас, призывая стойко держаться и верить в торжество рабочего дела.

Такие беседы, урывками, показали нам, что тов. Львов и в тюрьме больше помнит и заботится о нас, чем о себе, а сам-то он, как я уже сказал, был совсем молодым человеком, которому, казалось бы, жить, да жить беззаботно...

На прогулке с ним нам не удавалось встречаться: за ним всегда зорко следили. Только несколько раз видел в волчек, как проводили Львова мимо нас... Как сейчас помню я картину: молодой, стройный, бледный юноша, с гордо поднятой головой, с сурово сжатыми губами, шагающий так свободно и смело... Точно и там, в царском застенке, он знал, что будущее принадлежит рабочему классу и что он сам будет стоять во главе его Красной Армии – на одном из самых ответственных постов в Рабоче-крестьянской Республике...

– Ну, простите, товарищ, устал я – больше не могу... – Старик устало поник на постели.

Оглядываюсь кругом: убогая, бедная обстановка: не комната, а какая-то клетушка – и в ней 6 душ.

– А кто вас кормит?

– Да когда старику немного лучше бывает, чинит он часы, замки и исполняет мелкие слесарные работы... Зарабатывает гроши, потому что работу дают соседи – все беднота больше. А еще дочь бубликами торгует – вот и все заработки. Живем впроголодь, – ответила старуха, нахмурившись. И отвернулась.

«С тяжелым чувством ушел я из этой маленькой комнатухи, где на постели, покрытой какими-то грязными лохмотьями, лежал старик Бабенко – один из ветеранов русского рабочего движения» – так закончил наш сотрудник тов. Крапивин свое описание посещения тов. Бабенко.

Пишу Вам, тов. Троцкий, полагая, что Вам не безынтересно знать кое-что о судьбе одного из Ваших сподвижников.

А судьба А.С. Бабенко – далеко не завидная! Сегодня тов. Бабенко навещают, очевидно, predisполкома тов. Толмачев, секретарь обкома тов. Аболин и редактор «Красного знамени» тов. Письменный. Несомненно, вопрос о поддержке тов. Бабенко будет разрешен сегодня же.

Прилагая фотографию А.С. Бабенко, тюремную и единственную у него, которую он очень охотно отдал для отсылки «тов. ЛЬВОВУ», т. е. Вам.

С коммунистическим приветом, М. Донецкий
Редакция «Красного знамени».

P.S. Сегодня был у тов. Бабкова (так в постскрипуме именуется А.С. Бабенко) вместе с зав. Истпартом⁴¹. Редакцией, впредь до назначения пенсии, оказана тов. Бабкову матер[иальная] поддержка.

Фотография, о которой я говорю в конце письма, взята в Истпарт для переснятия, после чего, во исполнение желания старика, я пришлю ее Вам вместе с другой – в теперешней обстановке т. Бабкова.

уходящему вслед. Он уже был тогда в связи с полицией. Но мне и в голову не пришло заподозрить его» (там же, с. 121).

⁴¹ Истпарт – Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), занималась собиранием, научной обработкой и изданием материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции.

М. Донецкий

РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 19. Л. 16–17.

Подлинник – машинописный текст с автографом.

Раздел I

Бесславный «триумvirат» наркомов

Глава 1

«Долой не понимающую дела коллегию военных комиссаров»: конфликты в руководстве Наркомата по военным делам РСФСР в первые месяцы «диктатуры пролетариата»

Захватившие власть большевики сразу попытались представить переворот как нечто законное. 1 ноября 1917 года Ленин прямо заявил на заседании ЦК РСДРП(б): «переговоры должны были быть, как дипломатическое прикрытие военных действий. Единственное решение, которое правильно – это было бы уничтожить колебание колеблющихся и стать самыми решительными»⁴². Формально власть передал большевикам нелегитимный по своей сути II Всероссийский съезд Советов. Народные комиссары (ужасно пахнувшие революцией, перефразируя товарища Ленина, революционные министры) формально не были назначены председателем Совнаркома – их избрал съезд, и по логике именно съезд Советов мог их этой власти лишить. Когда создатель советского правительства начал кадровые перестановки, это обусловило появление ряда проблем. Не будет преувеличением заявление, что наиболее острый конфликт произошел на этой почве у Владимира Ильича с руководством военного ведомства.

С 1920-х годов партия талдычила о «ленинской когорте» революционеров, спаянной и единой. Причем даже большевики-эмигранты и невозвращенцы не имели обыкновения оспаривать этот тезис. Сам Лев Троцкий 8 октября 1923 года заявил: «Совершенно очевидно, что кадры старых, подпольных большевиков представляют собою революционную закваску партии и ее организационный хребет»⁴³. В действительности все с точностью до наоборот: совсем не когорта, не всегда большевиков, лишь иногда ленинцев. И никак не спаянная. Если театр определяют как «террариум единомышленников», то у руководства военным ведомством оказался просто *террариум*, с одобрения съезда Совета ошибочно прозванный триумvirатом.

Декретом II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 года управление делами «военными и морскими» поручалось возглавить Комитету в составе трех наркомов: Владимира Александровича Антонова-Овсеевского, Павла Ефимовича Дыбенко и Николая Васильевича Крыленко. В чем-то формирование первого состава Совнаркома носило случайный характер: профессиональных управленцев в рядах РСДРП(б) было мало и, по словам левого эсера Б.Д. Камкова, захватившие власть большевики «в панике искали людей», создавая свой Совнарком и назначая «комиссаров почти безграмотных (не имеющих организационного опыта. – С.В.), в частности, так стал наркомом П.Е. Дыбенко, назначенный «не только потому, что он матрос, но [т. к.] действительно никого [больше] не было»⁴⁴. Постепенно Комитет трансформировался в коллегию Наркомвоен (в том числе, к концу 1917 года ушли 2 наркома – 10 ноября Дыбенко, 5 декабря Антонов-Овсеевский, а Крыленко 20 ноября фактически передал всю полноту прав наркома своему заместителю Николаю Ильичу Подвойскому). В итоге к марту 1918 года Наркомвоен возглавляла коллегия в следующем составе: Верховный главнокоман-

⁴² РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 14. Л. 6.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д. 89. Л. 26.

⁴⁴ Сб. ПЛСР. Т. 1. С. 452.

дующий и формальный нарком Н.В. Крыленко; фактический нарком Н.И. Подвойский; члены коллегии Борис Васильевич Легран, Игнатий Людвигович Дзевялтовский, Константин Степанович Еремеев, Михаил Сергеевич Кедров, Павел Евгеньевич Лазимир (от партии левых социалистов-революционеров – ПЛСР), Константин Александрович Мехоношин, Эфраим Маркович Склянский, Валентин Андреевич Трифонов и Илья Ильич Юренев (партийный псевдоним Константина Константиновича Кротовского); Владимир Николаевич Васильевский и Александр Федорович Ильин-Женевский (секретари коллегии)⁴⁵.

Так как все члены коллегии были большевиками, реальное место каждого (кроме Лазимира, олицетворявшего собой союз большевиков с ПЛСР) определялось, прежде всего, положением в партии. «Старыми» большевиками фактически можно считать Н.И. Подвойского и К.С. Еремеева; остальные в РСДРП(б) вступили позднее, причем один из лидеров так называемой «межрайонки» И.И. Юренев и видный меньшевик-интернационалист В.А. Антонов-Овсеенко стали «большевиками» только летом 1917 г.⁴⁶ Поскольку создателем Советского государства стал Владимир Ленин, лично подобравший «наркомов» в высший исполнительный орган Республики Российской – Совет народных комиссаров (СНК, Совнарком)⁴⁷, попытаемся проследить, как складывались отношения членов коллегии Наркомвоена с В.И. Лениным в дореволюционный период.

Наиболее напряженными были отношения Ленина с *В.А. Антоновым-Овсеенко*. Будущий нарком был достаточно крупной фигурой в революционном движении – состоя в нем с 1901 года, он во время первой революции был одним из организаторов восстания в Польше и Севастополе; в эмиграции (с 1910 г.) будущий нарком примыкал к меньшевикам-партийцам и вступил в партию большевиков лишь в мае 1917 г.⁴⁸ В «Биохронике» Ленина В.А. Антонов до его назначения в Комитет по делам военным и морским упомянут дважды, причем первое упоминание относится к 1905, а второе – уже к 1917 году⁴⁹.

Подвойский и Кедров были старыми большевиками-ленинцами и убежденными марксистами, революционная деятельность обоих началась еще до создания большевистской партии; оба принимали участие в организации боевых дружин еще во время первой русской революции⁵⁰.

Совместная работа *Н.И. Подвойского* с Лениным началась не позднее, чем в мае 1913 года: в это время он поддерживал отношения Ленина с фракцией большевиков IV Думы (т. е. был «связистом» легальной фракции в России с большевистской эмиграцией)⁵¹. Впрочем, ими велась и совместная издательской работа⁵².

⁴⁵ Крушельницкий А.В. Народный комиссариат по военным делам в первые месяцы диктатуры пролетариата: дис ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 23, 38–39; Он же. Состав коллегии Народного комиссариата по военным делам... // Государственные учреждения и общественные организации СССР. М., 1985. С. 42.

⁴⁶ Ложкин В. Антонов-Овсеенко // Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 44–45; Юренев К.К. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989. С. 780. См. подр.: Крушельницкий А.В. Указ. дис. С. 203–206.

⁴⁷ Ирошиков М.П. Председатель Совнаркома и Совета Обороны Н. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в июле 1918 – марте 1920 г. Л.: Наука, 1980; Он же. Создание советского центрального государственного аппарата: Совет народных комиссаров и народные комиссариаты: октябрь 1917 г. – январь 1918 г. М.; Л., 1966.

⁴⁸ Заботин В.Н. Антонов-Овсеенко // Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 22.

⁴⁹ 10 декабря 1905 г. Ленин участвовал в совещании членов ЦК РСДРП, деятелей Боевой и объединенной военной организаций на квартире у Л.Б. Красина. Обсуждался вопрос о мероприятиях по поддержке Московского вооруженного восстания. На заседании был Антонов. Антонов, по заданию Ленина, 16 октября 1917 г. участвовал как уполномоченный ЦК РСДРП(б) в работе Чрезвычайной конференции социал-демократии Латвии в Валке, сообщил решение ЦК о вооруженном восстании (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. М., 1973. С. 390).

⁵⁰ Заботин В.Н. Подвойский // Политические деятели России. 1917. М., 1993. С. 255; Кедров // Великий Октябрь. М., 1987. С. 256.

⁵¹ Владимир Ильич Ленин... Т. 3. М., 1972. С. 106–107, 119, 227.

⁵² Там же. С. 227, 229. В мае 1914 г. Ленин, по просьбе Подвойского, направил ему свои пожелания и предложения по статистической работе.

М.С. Кедров начал свою революционную карьеру в 1899 году, состоял членом Северного рабочего союза, затем РСДРП – РСДРП(б). В 1900 году участвовал в первом социал-демократическом кружке в Ярославле, в 1901-м состоял в Нижегородском комитете, в 1902-м в Симферополе принимал участие в работе местной социал-демократической организации (в этой организации тогда состояли будущие видные деятели советского государства – М. Лурье (Ю. Ларин) и др.). Неоднократно арестовывался и подвергался высылке, в 1903-м вместе с О.А. Варенцовой, Н.П. Брюхановым. В 1905 году авантюрист Кедров по заданию большевистского ЦК пытался организовать подкоп под Таганскую тюрьму для освобождения ряда членов Центрального комитета⁵³. Небезынтересно, что солировал в этом мероприятии, скорее всего, известный инженер Лев Красин⁵⁴. В 1906-м Кедров организовывал в Твери концерты для сбора денег в парткассе: он был (так, по крайней мере, считали большевики) виртуозным пианистом; осенью открыл издательство «Зерно», предназначенное для печатания нелегальной литературы. Ближайшими соратниками Кедрова были в это время видные партийцы Ангарский, Подвойский, Степан Данилов, Морозов. Кедров как руководитель издательства «Зерно» с 1907 года издавал произведения Ленина в России, за что и отсидел 3 года в одиночной камере⁵⁵. В 1912 году Кедров эмигрировал в Швейцарию, где в следующем году познакомился с Лениным⁵⁶. В марте 1916 года Ильич выяснял через Г.Е. Зиновьева дату выезда Кедрова в Россию из Швейцарии – вероятно, последний отправился на Родину по личному заданию вождя большевиков⁵⁷. Относительно взаимоотношений Кедрова с Лениным в этот период, пожалуй, стоит процитировать запись из биографии последнего: «Чиновник для особых поручений в донесении из Парижа в Департамент полиции сообщает об отъезде из Лондона в Петроград или Москву проживавшего в Лозанне М.С. Кедрова, видного социал-демократа и личного друга Ленина. В донесении указывается на возможность получения Кедровым специальных партийных поручений от Ленина»⁵⁸. В 1916 году вернувшийся на Родину Кедров был направлен врачом на персидский фронт, где после Февральской революции создал первый в Закавказье большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов (в Шерифханском районе) и стал его председателем. Октябрьская революция застала Кедрова в Омске, где он добился своего избрания председателем местного совета рабочих и солдатских депутатов⁵⁹.

Несмотря на весьма небогатый военный опыт, Подвойский и Кедров – активные члены «Военки» – подчеркнуто позиционировали себя как профессиональные военные. Оба они также страшно гордились (в отношении Кедрова правильнее будет сказать кичились) своим дореволюционным прошлым. В июне 1917 года явившийся к Ленину с Персидского фронта Кедров так описывал свою внешность: «офицерские погоны и солдатская гимнастерка, на которую были навешаны ученые знаки различия, а на груди еще красовалась довольно обширная полоса, на которой черным по красному было напечатано: «Председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Шерифханского района»». Сам Кедров с юмором вспоминал позднее, что Н.К. Крупская была изумлена явлением такого редкостного попугая⁶⁰. Что же касается

⁵³ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 852 (Личное дело М.С. Кедрова во Всесоюзном обществе старых большевиков – ВОСП). Л. 3–3 об.

⁵⁴ Там же. Л. 3 об.

⁵⁵ Там же. Л. 4; Кедров М.С. Из красной тетради об Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 477–478; Владимир Ильич Ленин... Т. 2. М., 1971. С. 365. В июне–июле 1913 г. Ленин неоднократно посещал квартиру М.С. Кедрова. Ленин интересовался издательством и сотрудниками (Владимир Ильич Ленин... Т. 3. С. 117).

⁵⁶ По воспоминаниям Кедрова, Ленин «пришел на концерт, устроенный кассой взаимопомощи русского студенчества» – в Берне (Кедров М.С. Из красной тетради об Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 479).

⁵⁷ Владимир Ильич Ленин... Т. 3. С. 478; Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т. 49. С. 211–212.

⁵⁸ Владимир Ильич Ленин... Т. 3. С. 510.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 852. Л. 4–4 об.

⁶⁰ Кедров М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 484. М.С. Кедров ошибочно датирует событие июлем 1917 г. встреча Кедрова и Ленина состоялась 6 июня 1917 г. (См.: Владимир Ильич Ленин... Т. 5. М., 1974. С. 221).

Н.И. Подвойского, никогда ни в какой армии не служившего, то он на всех фотографиях изображен в полувоенном френче. К этому стоит добавить, что В.А. Антонов-Овсеенко в 1901 году был исключен из Николаевского военно-инженерного училища за отказ от присяги «на верность царю и отечеству», мотивированный «органическим отношением к военщине»⁶¹.

Н.В. Крыленко начал свою революционную деятельность позднее, чем Подвойский и Кедров. Первый советский Главковерх родился в семье чиновника акцизного ведомства. В 1903 году поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, там входил в студенческие организации и участвовал в проведении забастовок. Крыленко изначально – с 1904 года – был членом РСДРП(б), выступал на собраниях против либералов от имени большевистской организации, состоял в группе содействия при большевистском ЦК в качестве агитатора-пропагандиста, участвовал в газете «Вперед». К октябрю 1905 года Крыленко проводил партработу в Петербурге, на заводах Выборгской стороны и за Невской заставой, где как оратор пользовался широкой популярностью под псевдонимом «Абрам», руководил забастовочным движением. Весной 1906 года Крыленко участвовал в проведении бойкота выборов в I Государственную Думу. От окружного района был проведен в члены Петербургского комитета РСДРП(б); работал в Военной организации при ПК. Затем Крыленко переехал в Москву и стал агитатором МК, работая под фамилией Войченко. В июне 1906 года Николай Васильевич в первый раз оказался в эмиграции – в Бельгии и во Франции (опять-таки не под своей фамилией: вначале он носит фамилию Рено, затем – Гурняк). На этот раз Крыленко пробудет за границей менее полугода: уже в ноябре он вернется в Россию и продолжит работу в Петербурге – примет участие в предвыборной кампании во II Государственную Думу и в подготовке V съезда РСДРП(б). Весной 1907 года Крыленко «впал в ересь»: увлекся синдикализмом, за что был даже раскритикован в печати Лениным. Летом 1907 года скрывавшийся под фамилией Постников, Крыленко был арестован и после установления личности предан военно-окружному суду, но в сентябре 1907 года по суду оправдан и уехал в Финляндию, где через 11 месяцев снова оказался под арестом. По освобождении Крыленко выехал в Люблин, а осенью 1908 года вернулся в Петербург. В 1911 году Крыленко выходит из партии анархо-синдикалистов и возвращается в лоно большевистской социал-демократии. Выполнив эту работу, Крыленко, по предложению Старика, уехал в Петербург в качестве агитатора по подготовке выборов в IV Госдуму. Осенью 1912 года Крыленко поступил вольноопределяющимся на военную службу – поступок, вообще-то не характерный для правоверного «ленинца» – и одновременно продолжил свое обучение на юридическом факультете Петербургского университета. По окончании «военной службы» Крыленко работал в «Правде» и во фракции большевиков IV Государственной Думы. С декабря 1913 по март 1904 года Крыленко находится в тюрьме, затем высылается в Харьков, где работает в партийной организации и завершает свое обучение. В июле 1914 года Крыленко отправляется в эмиграцию, где за год успеет пожить в Галиции, Австрии, Швейцарии и принять участие в Бернской конференции (март 1915 г.). В июне 1915-го Крыленко вернулся в Россию и уже в ноябре арестован в Москве, где скрывался под фамилией Сидоров. Отсидев 3 месяца в тюрьме, Крыленко направлен в Харьков, где вновь посажен в тюрьму до апреля 1916года – на этот раз за уклонение от военной службы (шла Первая мировая война, и прапорщик должен был находиться на фронте). На Юго-Западном фронте будущий Главковерх состоял под надзором. После Февральской революции (в марте 1917 г.) Крыленко переведен в тыл, стал последовательно председателем полкового, дивизионного и армейского комитетов 2-й армии. В мае 1917 года Крыленко на съезде фронтовых организаций в Петрограде, делегат ЦК РСДРП(б) на общесерийном съезде в Кременце и I Всероссийского съезда Советов, сотрудник «Солдатской правды». С июля по сентябрь сидел на «губе» за участие в июльской

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 665 (Личное дело В.А. Антонова-Овсеенко в ВОСБ). Л. 4.

попытке военного переворота⁶². На определенном этапе (скорее всего, в 1911–1915 гг.) Крыленко был своеобразным «легатом» Ленина в подполье и человеком, которого «Старик»⁶³ явно ценил⁶⁴. Кроме того, Крыленко, как и В.А. Антонов, пробовал свои силы в качестве партийного теоретика⁶⁵.

Все четверо (Антонов, Крыленко, Подвойский, Кедров), судя по воспоминаниям Кедрова, в июле 1917 года⁶⁶ были горячими сторонниками вооруженного восстания.

Несколько особняком стоит самый старый член коллегии – К.С. Еремеев. Он занялся революционной (как организаторской, так и публицистической) деятельностью уже с 1894–1895 годов, вступил в РСДРП – РСДРП(б) во время создания партии и ее фракции. С Лениным Константин Степанович познакомился в 1903 году, в Женеве, куда бежал из ссылки⁶⁷. В марте-июле 1917 года Еремеев работал в «Правде» под непосредственным руководством Ленина, получал от него указания по печатанию материалов⁶⁸. Если верить воспоминаниям Еремеева, он с первой встречи подпал под харизму Ленина⁶⁹.

Б.В. Легран в «Биохронике» Ленина впервые упомянут в качестве товарища наркома по военным делам по общему управлению Военным министерством⁷⁰; к тому же его воспоминания в многочисленных сборниках отсутствуют. По всей видимости, установлением реального места этого члена коллегии Наркомвоена в большевистской партии предстоит заняться исследователям.

Два секретаря коллегии (В.Н. Васильевский и А.Ф. Ильин-Женевский) появились в военном ведомстве, очевидно, по рекомендации Подвойского и Еремеева.

Мать секретаря коллегии *В.Н. Васильевского* вступила в партию большевиков в 1906 году, отец еще в 1894 году организовывал рабочие кружки, поэтому Владимир Николаевич с детства «вращался в среде работников партии». В 1907–1911 годах он учился в гимназии в Баку, где в это время «перебывало много старых ответственных работников партии», партийные собрания и встречи которых нередко происходили на квартире родителей Васильевского. Особенно на Владимира в этот период повлияли М.С. Ольминский, читавший на квартире у Васильевских рукопись своей книги о бюрократии, и старый соратник отца – А.М. Стопани. И в гимназии, и в Московском университете (вместе с В.М. Молотовым – тогда Скрябиным, А.Я. Аросевым, Н.В. Мальцевым и В. Тихомировым) Васильевский был членом ученических организации – вплоть до ареста и высылки из Москвы в 1912 году. Примечательно, что в делах Московского охранного отделения указано, что Васильевский «в 1909 году, будучи гимназистом, проходил по наблюдению за партией социалистов-революционеров», а не большевиков⁷¹. В 1912 году Васильевский перебрался в Финляндию, затем в Петербург. В это время имел связи с партией через Н.И. Подвойского, которого знал еще по Баку (Подвойский также, в опреде-

⁶² РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 997 (Личное дело Н.В. Крыленко в ВОСБ). Л. 3–4. Биография.

⁶³ Подпольная кличка В.И. Ленина.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 997 Л. 3–4. Владимир Ильич Ленин... Т. 3. С. 17–18. Московской организации РСДРП.

⁶⁵ 22 июня (5 июля) 1915 г. Ленин редактировал и писал, по просьбе Н.И. Бухарина, замечания на предназначавшуюся для журнала «Коммунист» статью Н.В. Крыленко «Кому выгодно?». Владимир Ильич Ленин... Т. 3. С. 346; РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 541. Л. 1.

⁶⁶ Кедров М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 485. На то, что так полагали все четверо, указывает определение: «горячие головы военки».

⁶⁷ Еремеев К.С. Встречи с Ильичом // Об Ильиче. Л., 1970. С. 86. Иногда в литературе встреча Еремеева с Лениным датируется 1904 годом (См. напр.: Еремеев // Великий Октябрь. М., 1987. С. 251).

⁶⁸ Владимир Ильич Ленин... Т. 4. С. 65, 207.

⁶⁹ Еремеев К.С. Встречи с Ильичом. С. 86.

⁷⁰ Владимир Ильич Ленин... Т. 5. С. 78.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 322 (Личное дело В.Н. Васильевского в ВОСБ). Л. 25. Справка Архива революции и внешней политики на В.Н. Васильевского, сделанная по запросу ВОСБ от 3 июля 1930 г.

ленной степени, считал себя учеником А.М. Стопани⁷²). В это время работал с перебравшимся в Петербург В.М. Молотовым (до его ссылки) и К.С. Еремеевым; принимал участие в работе большевистской фракции политехникума (где пересекался с будущим троцкистом и членом РВСР И.Н. Смирновым) – в ней состоял его брат Всеволод В 1913 году Еремеев и Малышев привлекли Васильевского к работе в аппарате редакции «Правды» (в 1914 году Васильевский заменил Малышева на посту секретаря редакции). Тогда в Петербурге он имел дело со многими большевиками, известными Васильевскому еще в Баку, в том числе с А.С. Енукидзе, М.С. Ольминским, И.И. Вардиным. В июле 1914 года при разгроме «Правды» Васильевского арестовали – до конца года он просидел в «предварилке», был выслан, но уехал в Москву, где находился на нелегальной работе вплоть до Февральской революции. В Москве в это время собралась «вся старая группа»: Молотов, Аросев, Мальцев (Васильевский и Аросев занимался печатанием и распространением нелегальной литературы). В это время Васильевский получал руководящие указания от В.И. Ленина – в основном через сестру последнего М.И. Ульянову⁷³. В конце 1915 года Васильевского снова арестовали и на этот раз направили (в 1916 году после краткосрочных военных курсов) на военную службу в 194-й пехотный полк «под особое наблюдение». В полку Васильевский сразу занялся революционной агитацией и созданием военной организации – в феврале 1917 года он вывел свою роту «на улицу». С первых дней Февральской революции участвовал в создании «военного бюро» при МК РСДРП(б), где работал со своей ченицей Подвойского О.А. Варенцовой, А.Я. Аросевым, М.Ф. Шкирятовым и др.; участвовал во Всероссийской конференции военных организаций. При Керенском «политически неблагонадежных», как написал Васильевский в автобиографии, произвели в прапорщики; Владимир Николаевич стал членом фракции Совета солдатских депутатов, но «в самый разгар работы» был отправлен на фронт. В полку Васильевский быстро составил с помощью оказавшейся там массы питерских рабочих большевистское ядро, провел корпусной съезд, направивший делегацию в ЦИК под председательством самого Васильевского. В Петрограде сразу был вовлечен в работу Военно-революционного комитета (комиссаром огнескладов)⁷⁴.

А.Ф. Ильин-Женевский, сын протоиерея, журналист, с 1910 года участвовал в нелегальных ученических организациях, состоял членом в редакции ученического журнала «Недотыкомка». На Ильина во многом повлиял его старший (правда, всего на 3 года) брат Федор Федорович Раскольников (Ильин) – будущий член Реввоенсовета Республики. Последний уже в 1905 году, будучи учеником 7-го класса реального училища, был одним из организаторов ученической забастовки, за которую едва не поплатился отчислением. Сам Александр Федорович уже в 1909 году (14 лет отроду) прочитал «Анти-Дюринга» Фридриха Энгельса, годом позже – «Капитал» Карла Маркса, произведения Фердинанда Лассалля и др. Особенное влияние на Ильина, по его воспоминаниям, оказал Карл Каутский, который «легче всего поддавался... усвоению и определил мое мировоззрение, поставив его на определенные рельсы ортодоксального марксизма». Уже с 1910 года Ильин принимал активное участие во многих нелегальных ученических организациях и кружках⁷⁵. В 1911 году Ильин представлял Введенскую гимназию в объединенном межученическом комитете (другое название – Петербургская межученическая организация средней школы)⁷⁶ – «своего рода нелегальном профессиональном союзе учащихся в средней школе»⁷⁷. Комитет ставил своей задачей объединение учеников «на почве культурно-просветительной, профессиональной и революционной работы» (А.Ф.

⁷² Степанов Н.И. Подвойский. М., 1989. С. 50.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 322 (Личное дело В.Н. Васильевского в ВОСБ). Л. 5, 7–9 (Автобиография).

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 322. Л. 8–9.

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768 (Личное дело А.Ф. Ильина-Женевского в ВОСБ). Л. 4.

⁷⁶ Там же. Л. 12.

⁷⁷ *Ильин-Женевский А.Ф.* Один день с Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 528.

Ильин)⁷⁸. В 1912 году он вступил в РСДРП(б) и организовал в межученическом комитете Витмеровской гимназии большевистскую фракцию; познакомился с большевиками К.С. Еремеевым, С.С. Даниловым, В.М. Молотовым. А 9 декабря Ильина арестовали в числе 34 учеников вследствие провала межученического комитета – из гимназии молодого революционера, естественно, исключили⁷⁹. Только кампания в печати, указавшая на «недопустимость репрессий по отношению к малолетним участникам», избавила Ильина сотоварищи от тюрьмы и ссылки⁸⁰.

Образование Ильин все же получил: при поддержке мецената Шахова он оказался в Женеве, где успешно сдал экзамен и поступил на Естественный факультет. В Женеве он примыкал к ленинской группе, во главе которой тогда стоял В.А. Карпинский, именно он и представил в 1914 году Ильина В.И. Ленину⁸¹. По утверждению Ильина, Ленин «потом в письме к Карпинскому звал меня гостить к нему под Краков, где он тогда жил»⁸². Сам Ильина-Женевский вспоминал, что однодневное «знакомство» с Лениным возобновилось лишь в 1917 году в Петрограде, «вскоре после приезда Ленина из-за границы»⁸³, однако в «Биохронике» Ленина высказано предположение, что в мае 1914 года через Ильина-Женевского были переданы в Россию инструкции Ленина⁸⁴.

В июне 1914 года Ильин-Женевский вернулся в Петербург, работал на легальном книжном складе «Правды», заведовал по приглашению К.А. Комаровского (Данского) – будущего помощника Подвойского по Высшей военной инспекции – конторой большевистского журнала «Вопросы страхования»⁸⁵. В феврале 1915 года А.Ф. Ильин попал под мобилизацию, оказался в школе прапорщиков и в мае отправился на фронт. «В 20-х числа я был уже на фронте, а 30 мая мне пришлось отбивать яростные атаки немцев на Варшаву и я, наконец, свалился, отравленный удушливыми немецкими газами, бывшими еще тогда новинкой, – вспоминал в 1932 году А.Ф. Ильин-Женевский. – Однако лечился я недолго и приблизительно через 2 недели» был переброшен на Южный фронт в 3-ю армию, выбитую с Карпат и «в ужасном состоянии» отступавшую по Галиции; «я нашел эту армию уже на нашей территории и вместе с ней сделал тяжелый путь по Люблинской и Холмской губерниям. Наконец 9 июля у местечка Пяски, во время нашей контратаки, я был контужен в голову, спину и ноги. Я был вынесен с поля сражения, эвакуирован в тыл и в полубессознательном состоянии доставлен в Петроград»⁸⁶. Большевик около года провел в лазарете, по итогам был признан годным исключительно к занятию нестроевых должностей в мирное время. В начале 1917 года Ильин был назначен в запасной огнеметно-химический батальон в Петрограде; вел полемику с оборонцами и занимался организационной партийной работой. После Февральской революции вступил в «Военку». В марте 1917-го отправлен с группой солдат в Гельсингфорс для партийной работы в Балтийском флоте. Редактировал «Солдатскую правду» – вместе с будущими членами Революционного военного совета Республики Подвойским и Владимиром Ивановичем Невским, «Волны», «Голос правды». Во время 3-июльской попытки военного переворота выступал на собраниях комитета запасного огнеметно-химического батальона, доставал оружие для большевистских частей. Вместе с Еремеевым Ильина делегировали для переговоров с Главнокомандующим войсками Петроградского ВО генерал-майором П.А. Половцовым. Ильин при-

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 4.

⁷⁹ Там же. Л. 4 и сл.

⁸⁰ Там же. Л. 5.

⁸¹ Владимир Ильич Ленин... Т. 3. Там же. С. 526. О беседе известно только то, что речь шла, в том числе о работе петербургской межученической организации средней школы в 1911–1912 годах (Владимир Ильич Ленин... Т. 3. С. 121).

⁸² РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 5.

⁸³ Владимир Ильич Ленин... Т. 3. С. 530.

⁸⁴ Там же. С. 231.

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 5, 12.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 5–6.

нял от Н.И. Подвойского командование Петропавловской крепостью, где были сгруппированы преданные большевикам части – в основном, кронштадтские матросы и пулеметчики 1-го пулеметного полка. После небольшой осады крепости войсками округа большевики сдались по решению ЦК, переданному, между прочим, специально делегированным для этого И.В. Сталиным⁸⁷. Именно Подвойский и пригласил впоследствии Ильина в Наркомвоен, как пригласил впоследствии в Высшую военную инспекцию – в декабре 1918 года (председателем инспекционной комиссии) и в Главное управление всеобщего военного обучения – в конце 1919 года (во время наступления Деникина Ильин принял предложение С.И. Гусева стать комиссаром штаба Московского оборонительного сектора)⁸⁸. В 1932 году Подвойский будет в числе тех, кто даст Ильину рекомендацию в Общество старых большевиков. В рекомендации Подвойский назовет А.Ф. Ильина одним из организаторов Наркомвоенна, штаба Петроградского ВО и политработы в гарнизоне округа и отметит, что во всех работах Ильин «четко, твердо, решительно проводил линию партии»⁸⁹. Подвойский в рекомендации Ильину указал также, что Еремеев, старший брат Александра Федоровича Федор Раскольников (Ильин)⁹⁰ и сам Ильин-Женевский в 1917 году были руководителями поезда помощи Октябрьскому вооруженному восстанию в Москве и поезда против южной контрреволюции⁹¹.

Проблема состояла в том, что, придя к власти, как «ленинцы», так и вступившие в партию их бывшие оппоненты перенесли в государственный аппарат принципы, на которых выстраивались их взаимоотношения в дореволюционный период. Сами они вспоминали о редких случаях, когда В.И. Ленин просто срывался. По воспоминаниям, в подобных случаях он говорил «придушенным голосом, с той хрипотой, которая означала у него высшее волнение»⁹². Один такой случай упомянул в своем письме В.А. Антонов-Овсеенко: в конце 1918 года Ленин назвал его «саботажником, которого надлежит арестовать»⁹³. А преданный, но недалекий Подвойский вспоминал, как почти сразу после захвата власти большевиками Ленин сорвался (лживый в фактах, но правдивый по сути фрагмент): «Я несколько раз в течение 3–5 часов «сцеплялся» с товарищем Лениным, протестуя против такого рода работы, который казался мне неправильным. Протесты мои как бы принимались, но через несколько минут забывались и игнорировались. В сущности, создалось 2 штаба: в кабинете Ленина и в моем. В кабинете Ленина как бы походный, так как товарищ Ленин имел стол в моем кабинете. Но чем чаще товарищ Ленин посещал свой кабинет, куда беспрерывно вызывались по его приказу всевозможные работники, тем более его распоряжения превращались в беспрерывную цепь. Правда, эти распоряжения не касались ни операций, ни войсковых частей, а только мобилизации «всех и вся» для обороны. Но этот параллелизм работы страшно нервировал меня. Наконец, я резко и совершенно несправедливо потребовал, чтобы товарищ Ленин освободил меня от работы по командованию. «Товарищ Ленин вскипел, как никогда: «Я вас предаю партийному суду, мы вас расстреляем!»⁹⁴. Также партийные традиции перенес в руководство государством и М.С. Кедров. Ленин перестал спускать ему вольности, когда Михаил Сергеевич самовольно вернулся (фактически – дезертировал) с разгрузки Архангельского порта – якобы для организации снабжения Северного фронта. Привыкший к довольно мягкой партийной дисциплине дореволюционных лет, Кедров распоясался настолько, что Ленин даже поручил Э.М. Склян-

⁸⁷ Там же. Л. 7, 12, 13.

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 9, 13.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 768. Л. 20 об.

⁹⁰ Там же. Л. 22. Старший вступил в партию в 1910 г., младший – в 1912 г. (Рекомендация Ф.Ф. Раскольникова в ВОСБ).

⁹¹ См.: Там же.

⁹² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 455.

⁹³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 14. Л. 76 и сл.

⁹⁴ Подвойский Н.И. В Октябрьские дни // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 638.

скому 8 августа 1918 г. взять с него на заседании Высшего военного совета расписку в том, что последний больше не придет «в Москву без его (Ленина. – С.В.) разрешения»⁹⁵.

К.А. Мехоношин впервые увидел Ленина 13 апреля 1917 года на собрании членов Военной организации при ЦК РСДРП(б)⁹⁶. В.А. Трифонов, судя по «Биохронике» Ленина, до своего назначения членом Главного штаба Красной гвардии внимания Совнаркома не удостоивался⁹⁷.

Об остальных членах коллегии Наркомвоенна – Э.М. Склянском, П.Е. Лазимире, И.И. Юреневе – следует говорить особо, так как первый только начинал свою деятельность в комитетах при Временном правительстве, второй состоял в ПЛСР, а третий, как и В.А. Антонов, был «межрайонцем» до 1917 года и с В.И. Лениным не пересекался.

Вернемся к февральской коллегии. Вопрос о разделении обязанностей в коллегии к февралю 1918 года не был до конца урегулирован. Подвойский с Крыленко не могли до конца поделить обязанности наркома. Несмотря на то, что Подвойский с 21 ноября 1917 года представлял Наркомвоен в Совнаркоме⁹⁸, а в 20-х числах января 1918 года, как установил А.В. Крушельницкий, это положение было оформлено⁹⁹, Крыленко продолжал считать себя легитимным главой военного ведомства и, по крайней мере, 4 раза (трижды в январе и один раз в марте 1918 г.) в этом качестве апеллировал к Совнаркому¹⁰⁰. В конце января 1918 года выяснилось, что наркомом продолжает себя считать и В.А. Антонов, отправивший экстренную телеграмму Ленину (и в копии Подвойскому) с призывом «убрать долой не понимающую дело» коллегию Наркомвоенна¹⁰¹. Таким образом, налицо 2 формальных наркома (Крыленко и Антонов), свысока смотревших на членов коллегии Наркомвоенна и выяснявших отношения с фактическим наркомом (Подвойским) апелляциями к В.И. Ленину.

В советской историографии считалось естественным подчеркивать единственное объединявшее членов коллегии Наркомвоенна обстоятельство: все были большевиками, кроме левого эсера П.Е. Лазимира. Но при этом во всей коллегии Наркомвоенна не было ни одного человека с должной подготовкой, т. е. с высшим военным образованием, что не могло не отразиться на эффективности военного управления. Впрочем, Н.В. Крыленко, например, с апреля 1916 г. воевал в чине прапорщика на Юго-Западном фронте, с марта 1917 г. председательствовал в полковом комитете. Для сравнения: А.Ф. Керенский, занимавший во Временном правительстве пост военного министра, не служил в армии ни единого дня.

Из 12 человек только двое (Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойский) являлись фактическими руководителями военного ведомства. У обоих был солидный партийный вес (у Крыленко – с 1904; у Подвойского и вовсе – с 1901 года). Опыт военного руководства у них был минимальным: Подвойский был председателем бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б)¹⁰² и штаба Петроградского военно-революционного комиссариата (ПВРК); Крыленко – членом тех же организаций¹⁰³. Однако у остальных партийных организаторов (как в военном ведомстве, так и за его пределами) опыта военного руководства было еще меньше. Таким образом, судьба Красной Армии находилась в руках не военных специалистов, а партийных функционеров. По

⁹⁵ Кедров М.С. Указ. соч. Т. 2. С. 101.

⁹⁶ Владимир Ильич Ленин... Т. 4. С. 81–82.

⁹⁷ Там же. Т. 5. С. 227.

⁹⁸ См.: Сб. протоколов СНК. С. 41 и след.

⁹⁹ Крушельницкий А.В. Указ. дис. С. 41–42.

¹⁰⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 9 об и сл.; Оп. 4. Д. 6. Л. 91–92. Один раз «задолго до немецкого наступления и даже до разрыва мирных переговоров первой мирной делегации», Крыленко, по его свидетельству, лично вручил такую записку Ленину (Там же. Оп. 1. Д. 466. Л. 9 об.).

¹⁰¹ В.А. Антонова возмущил отданный Н.В. Крыленко 29 января 1918 г. приказ «об общей демобилизации армии на всех фронтах» (Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 35–36).

¹⁰² Военная организация при ЦК РСДРП(б) была создана в мае 1917 г. на базе Военной организации при Петербургском комитете РСДРП.

¹⁰³ Крушельницкий А.В. Состав коллегии Народного комиссариата по военным делам... С. 42 и др.

свидетельству Крыленко, коллегия Наркомвоена представляла собой «коллегию товарищей, до известной степени случайно призванных к этой (военно-организационной. – С.В.) работе»: «всероссийское бюро военной большевистской организации»¹⁰⁴.

Основным источником информации о взаимоотношениях членов коллегии Наркомвоена остаются документы Главковерха Н.В. Крыленко. К марту 1918 года, по свидетельству Крыленко, руководство Наркомвоена было представлено тремя большевиками: самим Главковерхом Н.В. Крыленко, К.А. Мехоношиным и Н.И. Подвойским. Остальные члены коллегии Наркомвоена, – докладывал Крыленко Совнаркому, – «либо отстранились от этой работы, либо ушли, либо с самого начала не приняли активного участия».

Фактически отошли от дел в коллегии наркомата В.А. Антонов-Овсеенко, переключившийся на борьбу с контрреволюцией, и П.Е. Дыбенко, занимавшийся вопросами флота. Самому Н.В. Крыленко, по его признанию, «со времени назначения в Ставку удавалось принимать участие в делах Комиссариата далеко не в полной мере». Таким образом, официально признанное, утвержденное съездом и ВЦИК руководство Наркомвоена, (само) устранилось и на деле руководящую роль в коллегии Наркомвоена заняла «нелегитимная... группа четырех товарищей» в лице Н.И. Подвойского, К.А. Мехоношина, Б.В. Леграна и Э.М. Склянского: остальные [были] либо заняты (как Лазимир продовольствием, [а] Кедров – демобилизацией), либо не могли принимать постоянного участия, либо (как Еремеев, Василевский, Дзевялтовский) приглашались лишь эпизодически, а на последнем заседании были исключены и юридически из состава Комиссариата»¹⁰⁵. Члены коллегии Наркомвоена курировали определенные участки работы центрального военного аппарата и руководящие решения, по сути, не принимали¹⁰⁶. Н.И. Подвойский, К.А. Мехоношин, Б.В. Легран и Э.М. Склянский даже попытались оформить «свой приоритет, включив в неписанную конституцию Комиссариата пункт об обязательной подписи приказов по военному ведомству одним из указанных четырех лиц», а также поставить под свой контроль В.А. Антонова-Овсеенко (что им не удалось, но создало в коллегии «невыносимую атмосферу вечно напряженных отношений», препятствующую нормальной работе)¹⁰⁷. Когда Э.М. Склянский общался на этот предмет по прямому проводу с находившимся в Ставке Крыленко, он пытался убедить Главковерха: коллегия «довольно долго» обсуждала вопрос о распределении обязанностей и «решила его в определенной форме вовсе не из желания предоставить себе особые prerogatives, и, если теоретически все товарищи (члены коллегии Наркомвоена. – С.В.) ведут работу по управлению, то практически только четверка занимается общим управлением, в то время как остальные работают в определенных областях. Антонов – комиссар обороны, но в министерстве не делает ничего; Лазимир занят снабжением, а Кедров – демобилизацией, и сомнительно, чтобы эти последние протестовали против пункта о подписях»¹⁰⁸. Более того, даже излишне склонный к самостоятельности Кедров, по заявлению Склянского, не провел ни одного приказа без того, чтобы не обратиться к товарищам, ведающим общим управлением»¹⁰⁹. Склянский в заключение разговора спросил, удовлетворит ли Крыленко, если решения коллегии будут скреплены подписями не только 4 ее членов, но и остальных? Крыленко ответил, что ему это безразлично; уверял Склянского, что ему «и так слишком тяжело нести свои обязанности» и он не будет «мешат[ь] коллегии осуществлять свое общее руководство»¹¹⁰. Из разговора следует, что Крыленко продолжал считать себя наркомвоеном и был против существования, как он позднее выразиться, «нелеги-

¹⁰⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 77.

¹⁰⁵ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 68.

¹⁰⁶ Крушельницкий А.В. Указ. дис. С. 44 и след.

¹⁰⁷ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 78.

¹⁰⁸ Там же. Д. 70. Л. 14.

¹⁰⁹ Там же. Л. 14–15.

¹¹⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 17.

тимной четверки». Вскоре после вытеснения Антонова разошелся «на личной почве» с Н.И. Подвойским и был принужден покинуть коллегия Б.В. Легран¹¹¹. Произошло это не позднее 31 декабря 1917 года¹¹².

К группировке Подвойского примыкал (несмотря на отсутствие реального участия в собраниях коллегии) и верный последователь наркома – И.Л. Дзевялтовский. В марте 1917 года он явился в штаб «Военки» и через 2 недели штабс-капитану дали важное поручение: вести большевистскую агитацию в гвардии, несмотря на то, что Дзевялтовский еще не был членом РСДРП(б). Ответственное партийное задание было выполнено за 2 месяца: «Гвардия – самое надежное ядро царской армии – была завоевана для нашей партии тов. Дзевялтовским» (Н.И. Подвойский)¹¹³. Итогом деятельности штабс-капитана стал отказ гвардейцев от наступления, арест самого Дзевялтовского и 75 «зачинщиков»¹¹⁴. По окончании суда Дзевялтовский был вызван Военной организацией при ПК РСДРП(б) для организации Октябрьского переворота и стал комиссаром «Военки». Для удержания в руках большевиков подступов к Петрограду Дзевялтовского командировали «для создания военных организаций во всех гарнизонах, защищающих Петроград со стороны Северного фронта»¹¹⁵. Во время Октябрьского восстания Дзевялтовский был «начальником штаба главнейшего сектора действующих против Зимнего дворца войск» и одновременно руководил «революционным полемым следствием над захваченными во время восстания генералами, буржуазными тузами и прочие». После переворота ПВРК назначил Дзевялтовского комендантом и комиссаром царского дворца. На военной работе в завоевавшей власть партии Дзевялтовский с 27 октября 1917 года: Комитет по делам военным и морским приказал ему организовать на Пулковских высотах полевой штаб обороны против Краснова¹¹⁶. До Октябрьского переворота И.Л. Дзевялтовский привлекался к агитационной работе (в гвардии, затем на Юго-Западном фронте), непосредственно после – занимался подбором инструкторов для Советских вооруженных сил¹¹⁷. Подвойский относился к Дзевялтовскому исключительно: об этом свидетельствует письмо последнего с просьбой «дать ему рекомендацию» для ЦКК. Дзевялтовский назвал в письме Подвойского своим «духовным отцом»¹¹⁸. Главный комиссар военно-учебных заведений Дзевялтовский оказался самым последовательным сторонником демобилизации в коллегии Наркомвоена – в начале марта 1918 года Дзевялтовский отдал распоряжение о реорганизации всех военных академий (в том числе и бывшей Николаевской академии Генштаба) «в гражданские учебные заведения, лишь с некоторым оттенком военного преподавания»¹¹⁹. Результат – ликвидация ряда военно-учебных заведений, увольнение преподавателей, лишение продпайка и, как следствие, переход в лагерь контрреволюции за гроши, выдаваемые соответствующими антисоветскими организациями.

¹¹¹ Там же. Л. 78.

¹¹² Там же. Д. 70. Л. 53. Следует из переговоров по прямому проводу Э.М. Склянского и Н.В. Крыленко. По прямому проводу Склянский не захотел обсуждать с Главковерхом причины ухода Леграна из коллегии. Работой Леграна занялся Склянский.

¹¹³ РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 180. Л. 3. Характеристика И.Л. Дзевялтовского с пометами Н.И. Подвойского (1922 г.).

¹¹⁴ Там же. Л. 4. За время нахождения под арестом Дзевялтовский успел создать газету «Гренадерская правда». Через месяц после ареста Дзевялтовский и остальные арестованные гвардейцы были оправданы.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. Л. 5.

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 180. Л. 4, 6.

¹¹⁸ Там же. Л. 2. Письмо датировано 16 февраля 1922 г. Точный фрагмент письма: «Вам, как своему духовному отцу, доверяю и дальнейшую мою участь. Из прилагаемого при сем жизнеописания Вы узнаете, в чем дело». И.Л. Дзевялтовский просил Н.И. Подвойского дать ему рекомендацию и подписать ее у «кого-либо еще»: К.А. Мехоношина, В.И. Невского, Н.В. Крыленко, Н.И. Муралова. Подвойский рекомендацию дал, но подписывать у других не стал.

¹¹⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 182.

Занятый демобилизацией (по свидетельству Крыленко) свояк Подвойского М.С. Кедров также фактически входил в группировку Наркомвоена. Кедров и Подвойский нередко работали в тандеме и помимо Наркомвоена¹²⁰. Именно комиссар по демобилизации (эту должность официально занимал Кедров) так сильно укреплял «военный престол» Подвойского, что в феврале 1918 года недовольный политикой Наркомвоена Ленин, по его воспоминаниям, почти насильно¹²¹ отправил Кедрова на разгрузку Архангельского порта. Самое удивительное, что фразера, как это обычно и бывает, сгубила жадность. Польстившись на многомиллиардное имущество, Кедров составил докладную записку в коллегию Наркомвоена, в которой просил об издании приказа с возложением всей задачи по разгрузке Архангельского порта на возглавляемый им Комиссариат по демобилизации, «имеющий в своем составе орган, вполне способный справиться с этим делом» – Центральное техническое управление. Подвойский наложил на записку резолюцию: «Возложить на ЦТУ Комисс[ариата] по демоб[илизации] вывоз из Арх[ангельского] порта грузов в[оенного] вед[омства]»¹²². На решающем судьбу Кедрова заседании Совнаркома от военного ведомства присутствовали Подвойский, Мехоношин и Крыленко; небезынтересен факт присутствия Л.Д. Троцкого¹²³, следившего за происходящим в Наркомвоене¹²⁴ примерно столь же пристально, сколь и Надежда Ивановна Галкина за семейством Головлевых в романе Салтыкова-Щедрина...

В.А. Трифонов, кооптированный в коллегию как руководитель Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии, также разделял взгляды группировки Подвойского¹²⁵. При этом у Трифонова, по воспоминаниям брата (Е.А. Трифонова), не сложились отношения с В.А. Антоновым-Овсеенко и И.И. Юреневым – «межрайонцами». Сын Трифонова вспоминал, что характер у В.А. Трифонова «был не из легких. Он был слишком независим, обо всем составлял собственное мнение и отстаивал его с большим упорством»¹²⁶.

Несмотря на то, что Склянский и Мехоношин позиционировались Крыленко членами группировки Подвойского, они в действительности держались несколько обособленно. Склянский, кстати, был, наверное, единственным членом коллегии, к которому метивший в Наполеоны Главверх всегда относился с большим уважением¹²⁷. Мехоношин, куратор самого запутанного участка военминовской работы – Главного артиллерийского управления¹²⁸, был просто вынужден работать с Подвойским.

Э.М. Склянский, сразу занявшийся финансовыми вопросами¹²⁹, был крупнейшим организатором в коллегии. Будучи прагматиком, Склянский мыслил не в русле партийной идеологии («Эфраим был хитрый мужик», – говаривал исследователь М.А. Молодцыгин). Склянский

¹²⁰ Так, например, 20 апреля 1918 г. на заседании СНК М.С. Кедров выступал с докладом «О разгрузке Архангельского порта», Н.И. Подвойский «О развитии Мурманского края» (РГАСПИ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 169. Л. 47–47 об. Повестка заседания СНК на 20 апреля 1918 г.).

¹²¹ Кедров М.С. Анкета // От февраля к Октябрю. М., 1967. С. 170–175.

¹²² РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 56. Л. 69.

¹²³ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006 (далее – Сб. протоколов СНК). С. 363.

¹²⁴ Там же. С. 41–43 и след.

¹²⁵ Показателен следующий факт: по воспоминаниям протеже Подвойского – Л.М. Кагановича, В.А. Трифонов недолюбливал Л.Д. Троцкого (Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного партийного и советского государственного работника. М., 1997. С. 215).

¹²⁶ Трифонов Ю.В. Отблеск костра: Документальная повесть // www.e-lib.info/book.php?id=1121020138@p.

¹²⁷ Именно Крыленко добился в ноябре 1918 г. назначения Эфраима Склянского верховным комиссаром при Штабе Верховного главнокомандующего в Могилеве (Сб. протоколов СНК. С. 62, 448–449).

¹²⁸ Крушельницкий А.В. Указ. дис. С. 64.

¹²⁹ Там же.

считал, что армию нужно строить «на принципе принудительности», состав ее «будет не чисто пролетарский, а смешанный»¹³⁰.

Константин Александрович Мехоношин в целом разделял взгляды Э.М. Склянского¹³¹. Э.М. Склянский и К.А. Мехоношин и позднее не отрицали, что высшие военные органы должны были состояться исключительно из революционеров, но признавали необходимым привлечение военных специалистов в оперативных отделах как органах непосредственного управления войсками. К.А. Мехоношин был убежден, что военспецов надо использовать «возможно, шире», правда, под бдительным большевистским контролем¹³².

Психологический портрет Склянского нарисовал Кедров: на лице Эфраима Марковича «играла свойственная ему усмешечка»¹³³...

К.С. Еремеев был примечательной личностью. Член большевистской партии до создания большевистской партии, «старейший правдист» Еремеев имел явные тенденции к гегемонии. Об этом есть более позднее свидетельство. Сохраняя свой статус члена коллегии Наркомвоена, Еремеев стал командующим войсками Петроградского военного округа (ПВО). Особый интерес представляет протокол заседания Комитета штаба ПВО от 18 (5) марта 1918 года. На заседании рассматривался один-единственный вопрос «О действиях и распоряжениях бывшего Главнокомандующего округом тов. Еремеева и коллегии при Главнокомандующем». Комитет штаба округа обвинял Еремеева в «крайне возмутительном» произволе. Еремеев и учреждения при нем, – свидетельствовали члены Комитета штаба округа, – «совершенно» игнорировали выборный комитет, несмотря на то, что последний с 26 октября 1917 года был «главным разрешителем всех хозяйственных вопросов, а также и всего внутреннего распорядка в штабе, был ответственным органом за всю деятельность и направление работ в штабе, контролируя все действия начальников отделений». Более того, Еремеев срочным распоряжением предписал Комитету штаба округа и всем отделениям его «очистить занимаемые помещения»; сделать это предписывалось «без ведома и присутствия» комитета; как итог, отделения перебрасывались с места на место, что дезорганизовало работу всего штаба. В предъявленном К.С. Еремееву обвинении подчеркивалось, что действия бывшего Главкома Петроградским ВО роняли авторитет *революционных выборных учреждений*¹³⁴. Здесь четко прослеживаются как подтверждение правоты Н.В. Крыленко, обвинявшего коллегию Наркомвоена (ряд ее членов) в отрыве от выборных организаций, так и стремление Еремеева к гегемонии. Вопреки логике, отношения К.С. Еремеева с Н.И. Подвойским не носили, по всей видимости, негативного характера. Косвенное свидетельство об этом дает более позднее письмо К.С. Еремееву секретаря Н.И. Подвойского С.А. Баландина. Баландин назвал К.С. Еремеева его партийным псевдонимом и напомнил, как в 1926 году Баландин был обвинен и Еремеев написал о нем письмо в ЦКК¹³⁵.

Отношения бывших «межрайонцев» и особенно левого эсера Лазимира с другими членами коллегии Наркомвоена складывались не лучшим образом.

И.И. Юренев посещал собрания двинской социал-демократической организации с 1904 года, а с 1905-го активно участвовал в революционном движении, в том числе – в военно-революционной организации при Двинском комитете РСДРП. Осенью 1913 года он стал одним из организаторов Петербургской междурайонной комиссии, переименованной позже в Петербургский междурайонный комитет («межрайонка»). Не следует забывать, что (в отличие от Л.Д. Троцкого) Юренев был подлинным лидером «межрайонки», что не могло не отражаться

¹³⁰ *Зимин Я.Г.* Э.М. Склянский. Реввоенсовет Республики. М., 1991. С. 60–61.

¹³¹ РГАСПИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об.

¹³² РГАСПИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

¹³³ *Кедров М.С.* Указ. соч. Т. 2. С. 101.

¹³⁴ РГАСПИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–1 об.

¹³⁵ Там же. Л. 18. Письмо С.А. Баландина К.С. Еремееву от 5 мая 1927 г. (первая строка – «Дорогой дядя Костя!»).

на его положении в коллегии Наркомвоена. К тому же, судя по пометам на письмах к своим коллегам, И.И. Юреневу явно не нравились бонапартистские тенденции Подвойского¹³⁶. А вот к К.С. Еремееву Юренев относился с большим уважением: именно через «дядю Костю» (партийный псевдоним Еремеева), отбывший ссылку в Пинежском уезде, Юренев в 1911 году был связан с газетой «Правда». Юренев не забыл о поддержке Еремеева¹³⁷.

В Петрограде за плечами Юренева имелись и определенные военизированные формирования: с сентября 1917 года он работал над организацией красногвардейских отрядов, был председателем Главного штаба Красной гвардии¹³⁸. Именно поэтому Юренева включили в январе 1918 года во Всероссийскую коллегию по организации и формированию Красной Армии, а затем кооптировали в коллегию Наркомвоена.

При распределении обязанностей членов коллегии Наркомвоена П.Е. Лазимиру поручили самый «гиблый» участок работы – его поставили курировать аппарат снабжения армии, не предоставив ему необходимых полномочий. А в июле 1918 года у Павла Евгеньевича вообще устроили обыск по подозрению в причастности к восстанию левых эсеров.

В.А. Антонов-Овсеенко (в составе финляндской группы большевиков – вместе с И.Т. Смильгой) в мае-октябре 1917 года блокировался с ядром будущей Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР), сидел под арестом вместе с будущими левыми эсерами Прошьяном и Устиновым¹³⁹. Формальный нарком В.А. Антонов-Овсеенко был не доволен деятельностью коллегии Наркомвоена и, особенно, ее фактического руководства¹⁴⁰. А между Н.В. Крыленко и Н.И. Подвойским в январе 1918 года развернулась настоящая борьба за гегемонию в коллегии Наркомвоена: 25 января Главковерх заявил по прямому проводу секретарю Подвойского С.А. Баландину: «Я признаю право что-либо от меня требовать только от Комиссариата в целом, а не отчасти». Речь шла о повышении окладов солдатам регулярной армии до 50 рублей в месяц. За повышение (так сообщил С.А. Баландин) были Подвойский, Мехоношин, Кедров, Муралов и Всероссийская коллегия по формированию Красной Армии. Крыленко негодовал: «Прежде всего, почему ни один из указанных товарищей не соблаговолил дать себе труд подойти к аппарату; во-вторых, потрудитесь передать им, что я не желаю играть в прятки и прошу Мехоношина и Подвойского не фигурировать два раза в одном заявлении – то под видом Военного комиссариата, то под видом Всероссийской коллегии». Из переговоров следовало, что, с одной стороны, Н.В. Крыленко был буквально уверен в своей незаменимости (раз решился на угрозу самоустранения от работы коллегии), а с другой, что в январе 1918 года Подвойский стал фактически единственным лидером военного ведомства¹⁴¹.

Коренным недостатком работы фактического руководства Наркомвоена (т. е. работы Н.И. Подвойского, К.А. Мехоношина и Э.М. Склянского) Н.В. Крыленко считал бюрократиза-

¹³⁶ Там же. Ф. 146. Оп. 1. Д. 169. Л. 51. В записке Н.И. Подвойскому И.И. Юренев «очень» просил своего коллегу «вопрос о финансовом отчете оставить открытым впредь до собрания комиссариата. В противном случае, – писал Юренев, – в нашу работу будет внесен хаос». Несмотря на обращение «Уважаемый Николай Ильич!» и подпись «С тов[арищеским] приветом И. Юренев», об отношениях свидетельствует самый тон записки.

¹³⁷ Об этом свидетельствует помета И.И. Юренева на письме К.С. Еремееву члена Редакционной комиссии еженедельного журнала «Бюллетень Всебюрвоенкома» Ф.К. Арнольдова. РГАСПИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 88. Л. 122. 12 сентября 1918 г. К.С. Еремеев стал членом Редакционной комиссии еженедельного журнала «Бюллетень Всебюрвоенкома». На письме Ф.К. Арнольдова с напоминанием о приказе Всебюрвоенкома – помета И.И. Юренева (автограф): «Константин Степанович! Надеюсь, что не забудете нас. 25/IX. Ваш И. Юренев».

¹³⁸ Юренев К.К. Автобиография. С. 780–781.

¹³⁹ Показания бывшего командира отряда ВЧК анархиста Д.И. Попова о своей роли в левоэсеровском мятеже в Москве в 1918 г. и в махновском движении // Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине (1918–1921): Документы и материалы. М., 2006. С. 587.

¹⁴⁰ См.: Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 35–36.

¹⁴¹ Точный фрагмент текста: «Все материалы имеются в дубликатах в Питере и, если комиссариат берет на себя смелость решить самостоятельно вопрос о 50 рубл[ях], ему ничто не мешает взять на себя ответственность и за остальные продукты своего творчества».

цию коллегии Наркомвоена, ее отрыв от выборных демократических организаций¹⁴². Главком-верх свидетельствовал, что коллегия Наркомвоена посредством двух своих членов (первоначально В.А. Антонова-Овсеенко, затем – И.Л. Дзевялтовского) опиралась в своей деятельности на «демократическую коллегию гарнизонного собрания» Петрограда; посредством командующего Петроградским ВО и члена коллегии Наркомвоена К.С. Еремеева – на контрольную комиссию¹⁴³; через П.Е. Дыбенко – на Законодательный морской совет. При Ставке Верховного главнокомандующего и на фронтах «ни один принципиальный приказ не проходит в жизнь без одобрения Цекодарфа» (Центрального комитета действующей армии и флота), заявил Н.В. Крыленко, а Наркомвоен «не опирается ни на что»: съезды и совещания по продовольствию и демобилизации, «если они [и] не носили исключительно декретивного характера», то работали все же «вне общего русла работ» военного ведомства; распределение обязанностей в коллегии Наркомвоена было произведено Н.И. Подвойским «далеко не последовательно» и ограничивалось совещаниями с генштабистами (к которым сам Крыленко относился, кстати сказать, с нескрываемым презрением); коллегия Наркомвоена работала в полном отрыве от Петросовета и военной секции ВЦИК. «Результаты, – сетовал Крыленко, – получились самые плачевные. Комиссариатом за все время не проведено ни одной крупной положительной реформы».

Таким образом, лидирующая роль в коллегии фактически принадлежала Н.И. Подвойскому, поставившему Наркомвоен на путь бюрократизации. Системообразующими можно считать 3 фактора. Во-первых, неподготовленность большинства членов коллегии Наркомвоена к военно-организационной работе. Во-вторых, взаимную нелюбовь друг к другу двух формальных (Антонова и Крыленко) и одного фактического (Подвойского) наркомвоенов и постоянные апелляции к третьей силе – В.И. Ленину. В-третьих, замкнутость Наркомвоена на самом себе. «Блестящие результаты», достигнутые к весне 1918 года, были налицо: аппарата нет, сколько-нибудь реальной вооруженной силы, а равно и реальных проектов ее строительства – тоже нет.

Таким образом, в коллегии Наркомвоена были люди, менявшие до революции свой окрас: Крыленко с весны 1907 г. увлекался синдикализмом, за что даже подпал под критику В.И. Ленина, а в 1909–1911 годах и вовсе состоял членом партии анархистов-синдикалистов¹⁴⁴; В.Н. Васильевский в документах Департамента полиции за 1909 год значился эсером (а департамент был учреждением весьма осведомленным)¹⁴⁵. Коллегия Наркомвоена никогда не была сообществом единомышленников, в ней изначально сложилось несколько группировок, фактическим лидером стал Н.И. Подвойский. А в светлой голове «дважды замечательного человека» Николая Подвойского (ему посвящены две книги из серии «ЖЗЛ») родился план «коренной реорганизации» бывшего военного министерства.

¹⁴² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 466. Л. 78 и след. Наркомвоен, – докладывал Н.В. Крыленко, – «совершенно оторвался от жизни и солдатской массы и в настоящее время представляет из себя замкнутую группу лиц, ведущих большую бумажную работу канцелярского делопроизводства, атакуемую, поэтому со всех сторон бесчисленными делегациями, из которых каждая идет туда своими часто мелкими претензиями и требованиями».

¹⁴³ О том, на что «опирался» К.С. Еремеев в действительности, см. ранее.

¹⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 997. Л. 3.

¹⁴⁵ Там же. Д. 322. Л. 25.

Глава 2

Революционеры строят «армию»: Всероссийская коллегия по организации и формированию РККА

Решение о создании Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии (Всеросколлегия) приняли 19 декабря 1917 года¹⁴⁶. 2 января 1918 года Общеармейский съезд по демобилизации армии заслушал проект декрета Совнаркома (СНК) о создании «Всероссийской коллегии по организации Рабоче-крестьянской армии Российской Республики» и избрал бюро из 5 человек для выработки, совместно с представителями военного ведомства, положения об управлении армии. 9 января состоялось первое заседание Бюро по организации РККА, на котором был избран «президиум» бюро. В него вошли: Григорьев (председатель), Андреев (тов. председателя), Литке (секретарь) и Микошо (казначей). Бюро было объявлено временным отделом Главной Всероссийской коллегии. Бюро постановило немедленно начать работы по организации отделов коллегии¹⁴⁷.

10 января 1918 года Бюро по организации РККА заслушало доклад Л.М. Кагановича «Об организации агитационно-организационного отдела по созданию Рабоче-крестьянской Красной Армии», одобрило его положения и приняло резолюцию, согласно которой отдел разбивался на два подотдела: организационный и агитационный. Организационный подотдел включал представителей Петросовета, Главного штаба Красной гвардии, Иногородного отдела ЦИК и Агитаторской коллегии, выделенной Демобилизационным съездом. Подотделу предстояло связаться со всеми советами, штабами Красной гвардии, комитетами войсковых частей, а главное – разослать повсюду организаторов-агитаторов. Агитационный подотдел составлялся из представителей агитколлегий ВЦИК, Петросовета, Петербургских комитетов РСДРП(б) и ПЛСР. В обязанности этого подотдела входило направление и регулирование деятельности всех агитколлегий, представленных в нем, «а также иногородних путем посылки инструкций; организация кратких курсов агитаторов и распределение их по местам; устройство лекций и докладов, написание статей об организации Красной армии и т. д. 13 января 3-е заседание Бюро по организации РККА приняло решение об учреждении «Всероссийской коллегии по созданию РККА». Н.И. Подвойскому предложили «назначить определенных лиц для организации каждого отдела из состава Бюро или по усмотрению» коллегии Наркомвоен¹⁴⁸.

Декретом СНК от 15 января 1918 года Всеросколлегия учреждалась при Наркомвоене в составе двух представителей от Наркомвоен¹⁴⁹ и двух – от Главного штаба Красной гвардии. На коллегия возлагались: координация деятельности местных военных органов; учет «вновь формируемых боевых единиц»; руководство формированием и обучением; обеспечение новой армии вооружением и снабжением; финансовые, санитарные и др. вопросы (разработка новых уставов, инструкций и т. д.). В декрете указывалось, что должны быть «немедленно» сформированы отделы: организационно-агитационный, формирования и обучения, мобилизационный, вооружения, снабжения, транспортный, санитарный, финансовый¹⁴⁹.

По мнению исследователя Всеросколлегии И.М. Волкова, аппарат Всеросколлегии был «в основном» сформирован к концу января¹⁵⁰. Протоколы общих собраний сотрудников Всеросколлегии и докладная записка в Наркомвоен начальника Службы связи коллегии П.П. Орлов-

¹⁴⁶ Волков И.М. Деятельность Всероссийской коллегии по формированию Красной Армии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1951. С. 6.

¹⁴⁷ Молодцыгин М.А. Красная Армия. М., 1997. С. 73–74.

¹⁴⁸ Молодцыгин М.А. Красная Армия. М., 1997. С. 75.

¹⁴⁹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 357–358.

¹⁵⁰ Волков И.М. Указ. соч. С. 6.

ского показывают сформированный «в основном» к концу января 1918 года аппарат, что называется, «во всей красе».

По свидетельству Орловского, когда «числа около 18-го» января 1918 года и.д. наркома по военным делам Подвойский и Малиновский пригласили его на работу в Наркомвоен для составления инструкции по организации Всероссийской коллегии, в коллегии работало кроме самих Подвойского и Малиновского еще 6 человек (фактический глава Всеросколлегии – член коллегии Наркомвоена большевик В.А. Трифонов, Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко, зав. агитационно-организационного отдела Всеросколлегии Л.М. Каганович и др.)¹⁵¹. Коллегия должна была уже в ходе собственного формирования отправлять отряды на фронт («Работы горы, работников нет»). Организовывать коллегию стали не по принципу *качественно*, а *быстро*. Самому Орловскому Трифонов приказал организовать еще не существующий в природе отдел службы связи¹⁵².

По словам П.П. Орловского, заведующие отделами были кооптированы или просто наняты (!) Всероссийской коллегией; «почти все вопросы» практической деятельности Всеросколлегии решал ее руководитель – Трифонов¹⁵³. А Трифонов, по его собственному признанию, до апреля 1918 года искренне верил в необходимость строить армию только из революционеров – по самобытным методам и способам строительства¹⁵⁴. Естественно, абсолютное большинство работников аппарата коллегии были членами РСДРП(б), направленными Военной организацией при ПК РСДРП(б), районными комитетами партии большевиков Петрограда и Главным штабом Красной гвардии. Как справедливо заметил И.М. Волков, «Всероссийская коллегия была новым центральным органом военного управления, отражавшим своим составом, своей структурой особенности государства, которое ее создало, характер армии, созданием которой она была призвана руководить», т. е. армии, построенной на принципах добровольчества¹⁵⁵.

Отсутствие профессионалов стало самой серьезной проблемой Всеросколлегии. По свидетельству Орловского, он, набирая своих служащих «почти с улицы», «лихорадочно» заполнял отдел работниками, начинал с ними делать «черную предварительную работу». Еще через некоторое время Орловский «поставил телефоны и выклянчил хламиду автомобилей»¹⁵⁶.

При этом у В.А. Трифопова был своеобразный «рабочий график»: он уезжал из Всеросколлегии в 10 утра, а приезжал обратно к часу ночи¹⁵⁷. Это не могло не сказываться на работе коллегии.

Только 21 января декретом СНК были формально назначены члены Всеросколлегии. Ими стали 5 членов коллегии Наркомвоена – Н.В. Крыленко, К.А. Мехоношин, Н.И. Подвойский, В.А. Трифонов и И.И. Юренев¹⁵⁸.

Эвакуация Наркомвоена в Москву, начавшаяся в марте 1918 года, обнажила полное отсутствие какой-либо организации Всеросколлегии. Вероятно, имеет смысл процитировать фрагмент речи Орловского по этому поводу: «Начали договариваться о возможности эвакуации коллегии из Петрограда. – Я сейчас же сделал запрос тов. Трифонову, но ответа никакого. За пару часов я узнал, что у меня весь отдел жил по частным квартирам – пришлось не готовиться к отъезду, а к розыску служащих [...] Кое-как собрав часть, я начал перетаскивать кол-

¹⁵¹ П.П. Орловский приступил к работе в 20-х числах января 1918 г.

¹⁵² РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 367. Л. 32 с об.

¹⁵³ Там же. Л. 34.

¹⁵⁴ Трифонов В.А. Фронт и тыл // Правда. 1919. 8 июня.

¹⁵⁵ Волков И.М. Указ. соч. С. 6–7.

¹⁵⁶ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 367. Л. 32–33.

¹⁵⁷ Там же. Л. 35.

¹⁵⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983.

легию на погрузку. Должен отметить, что, как всегда бывает, люди теряют голову»¹⁵⁹. А Л.М. Каганович, по едкому замечанию Орловского, почувствовав себя «премьером-эксраспорядителем» и без конца отвлекал его телефонными звонками. После переезда в Москву «началась обычная голомотня, суетня, болтовня [...] квартир не было, автомобили на улице не лежали и провалились еще на 8 суток»¹⁶⁰.

Как только служба связи начала обживаться на новом месте, Орловский попытался принимать служащих «на совесть», но в Москве он никого не знал, а потому никакого результата такой «подбор кадров» не дал. В результате начальник отдела решил принимать на службу на основании 2-дневного испытательного срока (определенный положительный эффект от этого был – «многим пришлось отказаться от мест»)¹⁶¹.

П.П. Орловский сожалел о необходимости вследствие *отсутствия нормального руководства*

¹⁵⁹ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 367. Л. 32 об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 32 об.

¹⁶¹ Там же. Л. 33.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.